

Богословские Статьи Протоиерея Георгия Флоровского 1. О Священном Писании.

Содержание:

Откровение и Истолкование.

Весть и свидетельство. История и Догмат.

Утрата библейского мышления.

Современный человек и Священное Писание. Проповедуйте Символ веры! Предание живо. Что означал Халкидон. Трагедия, освещенная новым светом. Новое несторианство. Новое монофизитство. Современный кризис. Актуальность святых отцов.

Откровение и опыт. Промысел Святого Духа в Богооткровении.

Откровение и Истолкование.

*Что бо, аще не вероваша нецыи?
Еда неверствие их веру Божию упряднит? (Рим. 3, 3).*

Весть и свидетельство.

Так что же такое Библия? Книга в ряду других книг, доступная и понятная любому случайному читателю? Нет, это прежде всего **священная** книга, предназначенная для верующих. Конечно, и священную книгу как “литературное произведение” может читать любой. Сейчас речь не об этом. Мы говорим не о тексте, а о заключенной в нем Вести. У свт. Илария есть многозначительные слова: “*Scriptura est non in legendo, sed in intelligendo*” [Писание не в чтении, а в понимании]. Есть ли в Библии, если взять ее в целом, какая-то Весть? И кому она адресована — если адресована кому-нибудь? Призван ли каждый человек в одиночку постичь и истолковать смысл Книги? Или это дело общины — а отдельных людей лишь постольку, поскольку они принадлежат к этой общине?

Каково бы ни было происхождение отдельных документов, включенных в Библию, очевидно, что Книга в целом создана **общинной** — сначала Ветхим Израилем, затем Христианской Церковью. Библия — не собрание всевозможных исторических, законодательных и религиозных сочинений; это **избранное**, санкционированное и засвидетельствованное употреблением (прежде всего литургическим) в общине, а затем и формально — авто-

ритетом Церкви. Книги Библии отбирались и объединялись в целое со вполне определенной целью. “Много сотворил Иисус пред учениками Своими и других чудес, о которых не писано в книге сей. Сие же написано, дабы вы уверовали, что Иисус есть Христос, Сын Божий, и, веруя, имели жизнь во имя Его” (Ин. 20:30–31). Эти слова в какой-то степени относятся и ко всей Библии. Несколько документов были отобраны, отредактированы, собраны в одной книге и даны верующим, народу, как верная запись Божественной Вести. Весть Божественна; она исходит от Бога; это Слово Божие. Но принимает Слово и свидетельствует о Его истинности община верующих. Вера удостоверяет, что Библия священна. Библия как книга составлена в общине и предназначена прежде всего для наставления общины. Книга и Церковь неразделимы.

Библия — то же, что **Завет**, а Завет (“договор,” “соглашение”) заключается с людьми. До Рождества Христова Слово Божие было доверено Народу Завета (см. Рим. 3:2), теперь Весть о Царстве хранит Церковь Воплотившегося Слова. Библия — истинное Слово Божие, но оно стоит на свидетельстве Церкви. Ведь несомненно, что библейский канон установлен и утверждён Церковью.

Однако не следует забывать о миссионерской задаче Нового Завета. “Апостольская проповедь,” воплощенная и увековеченная в нем, имела две цели: наставить верующих и обратить мир. Поэтому Новый Завет — не только *книга общины*, как ветхозаветное Писание, потому что она не сокрыта от внешних. Тем не менее — она “собственность” Церкви. Типично отношение к Писанию Тертуллиана. Он отказывался спорить с еретиками о трудных местах в Библии. **Писание принадлежит Церкви**, поэтому ссылки на него со стороны еретиков — незаконны. У них нет прав на чужое достояние. Таков главный аргумент в знаменитом трактате Тертуллиана “*De praescriptione haereticorum*” [Против еретиков]. Неверующий не имеет доступа к Писанию — ведь он его не принял. Для него в Библии нет Вести.

Не случайно собрание произведений, написанных разными людьми в разное время, постепенно начали рассматривать как одну книгу. *Ta biblia* — множественное число, но “Библия” — несомненно, единственное. Множество писаний составляет одно Священное Писание. И во всей библейской истории прослеживается одна главная тема, одна Весть. Ибо в Библии есть история. Более того, сама Библия есть История, летопись деяний Бога над Его избранным народом. Библия хранит прежде всего *Magnalia Dei* — великие деяния Божии. Бог начинает эту книгу. В ней есть начало, есть конец, он же и цель. Вот начальная точка: созидающее Божие “*в начале ... да будет.*” Вот и конец: “*Ей, гряди, Господи Иисусе!*” (Откр. 22:20). От Бытия до Откровения — единая книга, составленная из многих глав. И это книга истории. Между началом и концом лежит путь. У него есть направление, есть конечная цель. Каждое мгновение расположено между началом и концом и имеет свое неповторимое место в истории. Ни одно событие невозможно понять в отрыве от целого.

Бог говорил “*многokrатно и многообразно*” (Евр. 1:1). Он открывал Себя людям на протяжении веков не один раз, но снова и снова. Он вел Свой народ от истины к истине. Откровение как бы поднималось по ступеням, шло по нарастающей. На это нельзя не обращать внимания. Но Бог один и Тот же, и Его Весть в конечном счете одна и та же. Именно Весть придает различным писаниям, несмотря на все их разнообразие, истинное единство. Различные версии одних и тех же событий вошли в Книгу нетронутыми. Несмотря на проблему “евангельских противоречий” (которую пытался решить блаж. Августин), Церковь противостояла всем попыткам превратить четыре Евангелия в одно синте-

тическое Четвероевангелие — в Диатессарон. Все четыре Евангелия достаточно полно и, может быть, более зримо, чем любая компиляция, передают единую Весть.

Библия — книга о Боге. Но библейский Бог — не *Deus Absconditus* [Бог Сокрытый], а *Deus Revelatus* [Бог Открытый]. Бог является и открывает Себя. Бог входит в человеческую жизнь. И Библия — не просто человеческая летопись явлений и деяний Божиих. Она сама — Богоявление. Она есть Весть Бога. Сами Его деяния суть Весть. Поэтому в поисках Бога не стоит уходить от времени и истории. Ведь Бог встречается с человеком в истории, среди людей, в повседневности. Бог творит историю и беспрепятственно входит в нее. Библия глубоко исторична: это повествование не столько о предвечных тайнах, сколько о Божиих деяниях, а тайны здесь раскрываются только через историю. “*Бога не видел никто никогда; Единородный Сын, суций в недре Отчем, Он явил*” (Ин. 1:18). Он явил Бога, войдя в историю в Своем Святом Воплощении. Так что не стоит забывать об исторической рамке Откровения. Не надо отделять Истину от обрамления, в котором Она явилась — такая операция непоправимо исказит Ее облик. Ибо Истина — не идея, а личность, Сам Воплотившийся Господь.

В Библии нас поражает близость отношений Бога с человеком и человека с Богом. Это отношения Завета, выбора и усыновления. Близость Бога и человека достигает вершины в Воплощении. “*Бог послал Сына Своего Единородного, Который родился от жены, подчинился закону*” (Гал. 4:4). В Библии мы видим не только Бога, но и человека. Это Откровение Бога, но Бог открывает нам и Свое отношение к человеку. Бог открывается человеку, является ему, говорит и общается с ним и при этом показывает людям тайный смысл их существования и конечную цель жизни. Мы видим, как Бог нисходит к человеку и открывается ему, и видим, как человек встречает Бога — не просто внимает Его голосу, но и отвечает. Мы слышим в Библии не только голос Бога, но и ответствующий голос человека — в словах молитвы, благодарения, хвалы, трепета и любви, печали и раскаяния, восторга, надежды и отчаяния. Завет заключают двое — Бог и человек, и оба они участвуют в тайне истинной Бого-человеческой встречи, о которой повествует история Завета. В тайну Слова Божия входит и отклик человека. Это не монолог Бога — скорее, диалог, где говорят и Бог и человек. Молитвы и взывания благочестивого псалмопевца — тоже “Слово Божие.” Бог хочет, ждет, требует от человека ответа и отклика. Для этого Он открывается человеку и говорит с ним. Он ждет, что человек обратится к Нему. Он заключает Завет с сынами человеческими. Однако это нисхождение к человеку не умаляет Божиего всемогущества и трансцендентности. Бог “*обитает в неприступном свете*” (1 Тим. 6:16). Но этот свет “*просвещает всякого человека, приходящего в мир*” (Ин. 1:9). В этом и тайна и “парадокс” Откровения.

Откровение — это история Завета. Записанное Откровение — то есть Священное Писание — это прежде всего **история**. Закон и пророки, псалмы и пророчества — все включено и вплетено в живую историческую ткань. Откровение — это не только речения Бога, но прежде всего **Божии деяния**. Можно сказать, что Откровение есть путь Бога в истории. Откровение достигло вершины, когда Сам Бог навсегда вошел в историю, когда Слово Божие воплотилось и вочеловечилось. С другой стороны, Книга Откровения есть также книга о судьбах человечества. Она рассказывает прежде всего о сотворении, падении и спасении человека. Это история спасения: понятно, что в ней не обойтись без человека. Она показывает человека то в послушании, то в упрямом непокорстве; то в падении, то в покаянии. Все человеческие судьбы, как в фокусе, собраны в судьбе Ветхого и Нового Израиля, избранного народа Божиего, народа, принадлежащего только Богу. Это избрание

чрезвычайно важно. Один народ избран, отделен от всех остальных и сделан неким священным оазисом посреди всеобщего нечестия. Только с одним народом на земле Бог заключил Завет, только одному народу Бог даровал Свой священный закон. Только здесь было создано истинное (хотя и прообразовательное) священство. Только здесь появились истинные пророки, говорившие Духом Святым. Здесь был сокрыт священный центр мира, оазис, возвращенный Божиим милосердием посреди падшей, грешной, потерянной и неискупленной земли. Все это — не просто слова, это истинная сердцевина библейской Вести. И все это — от Бога, здесь нет никаких человеческих заслуг и достижений. И все это — для человека, “нас ради человек и нашего ради спасения.” Все милости, дарованные Ветхому Израилю, направлены к конечной цели всеобщего спасения: “Ибо спасение от Иудеев” (Ин. 4:22). Искупление охватывает всех, но достигается только отбором, отделением и обособлением. Среди падения и гибели человечества Бог воздвиг священный оазис. Церковь — такой же оазис, обособленный, но не изъятый из мира. Ибо Церковь — не только приют и убежище, но и крепость и оплот Господень.

У Библии есть кульминация, поворотная, “крестная” точка на временной шкале. Это начало новой истории; но оно не разрывает историю на части — наоборот, придает ей завершенность и единство. Граница между Заветами утверждает единство библейского Откровения. Два Завета нельзя смешивать, их необходимо строго различать. Но они неразрывно связаны — прежде всего личностью Христа. Иисус Христос принадлежит обоим Заветам. Он исполняет древние обетования, но самим исполнением “Закона и пророков” начинает новую эру и становится Исполнителем обоих Заветов, то есть целого. Он — сердце Библии, ибо Он есть *archi* — начало и *telos* — конец. Но таинственное единство начала, середины и конца не разрушает реальность времени — напротив, придает историческому процессу истинную реальность и глубокий смысл. Нет больше череды “случаев” — историю наполняют события и достижения; новое, никогда прежде не бывшее, приходит в мир. “Се, творю все новое” (Откр. 21:5).

В конечном счете весь Ветхий Завет — не что иное как “родословие Иисуса Христа, Сына Давидова, Сына Авраамова” (Мф. 1:1). Это эпоха обещаний и ожиданий, время заветов и пророчеств. Не только пророки предсказывали будущее. События — это тоже пророчества. Вся эта Книга — пророческая, прообразовательная, вся она символами говорит о грядущем исполнении. Но время ожиданий прошло. Обещание исполнено. Господь сошел на землю. Сошел, чтобы вечно пребывать среди Своего народа. Закончена история плоти и крови. Начинается история Духа: “Благодать же и истина произошли чрез Иисуса Христа” (Ин. 1:17). Но новое не зачеркивает старого. *Vetus Testamentum in Novo patet* [Ветхий Завет открывается в Новом]. *A patet* буквально означает “открывается, начинается, исполняется.” Поэтому еврейские священные книги священны и для нового Христова Израиля — их нельзя отвергать или отбрасывать. Они тоже рассказывают о спасении, *Magnalia Dei* (о деяниях Божиих). Они тоже свидетельствуют о Христе. Их нельзя превращать в сборники цитат (*loci theologici*) или назидательных притч. Они должны читаться в Церкви как книги священной истории. Пророчества исполнились, и закон превзойден благодатью. Но ничто не прошло. В священной истории “прошлое” — не просто “прошедшее” или “бывшее,” но прежде всего “то, что сбылось и исполнилось.” Исполнение — основное понятие Откровения. То, что однажды стало священным, навсегда остается священным и святым. Оно отмечено печатью Духа. И Дух по-прежнему дышит в словах, когда-то Им вдохновенных. Может быть, и правда, что в Церкви и для нас Ветхий Завет — не более чем книга; ибо Закон и Пророки превзойдены Евангелием. Новый Завет — ко-

нечно, более чем книга. Мы сами принадлежим к нему. Мы — народ Нового Завета. Поэтому в Ветхом Завете мы получаем Откровение прежде всего как Слово; мы свидетельствуем о Духе, “глаголавшем пророки.” А в Новом Завете Бог говорит с нами через Своего Сына, и мы призваны не только слушать, но и смотреть. “*О том, что мы видели и слышали, возвещаем вам*” (1 Ин. 1:3). Более того, мы призваны **быть** во Христе.

Полнота Откровения — во Христе Иисусе. И Новый Завет историчен не менее Ветхого: Евангельская история Воплощенного Слова, начало церковной истории, наконец, апокалиптические пророчества. Евангелие — это история. В основании всей христианской веры и надежды лежат **исторические события**. Основа Нового Завета — не только речи, поучения и заповеди, но и события, факты, деяния. Апостольская проповедь с самого начала, со дня Пятидесятницы, когда св. ап. Петр свидетельствовал виденное своими глазами (“*чему все мы свидетели,*” *martyres* Деян. 2:32) исполнение спасения в Воскресшем Господе, носила ярко выраженный исторический характер. Церковь стоит на этом историческом свидетельстве. Все, во что мы верим, имеет историческую структуру и выражено в событиях. Это тоже священная история. Тайна Христа — то, что в Нем “*обитает вся полнота Божества телесно*” (Кол. 2:9). Эту тайну нельзя понять только в земной плоскости — здесь участвует и другое измерение. Но границы истории не стерлись, не потускнели; в Священном Образе ясно видны исторические черты. Апостольская проповедь была прежде всего рассказом, повествованием о том, что произошло на самом деле, *hic et nunc* “здесь и теперь.” Но произошло нечто новое и необыкновенное: “*И Слово стало плотью*” (Ин. 1:14). Конечно, Воплощение, Воскресение, Вознесение — исторические факты не совсем в том же смысле и не того же уровня, что и события нашей повседневной жизни. Но от этого они не менее историчны, не менее реальны. Напротив, они даже более историчны — они истинно событийны. Очевидно, что в них можно удостовериться только благодаря вере. Но это не выбрасывает их из истории. Вера только открывает новое измерение, принимает историческое событие (*datum*) в его полной глубине, полной и неопровержимой реальности.

Евангелисты и апостолы не были хронистами. В их задачу не входило описывать жизнь Иисуса день за днем, год за годом. Они говорили о Его жизни и делах только чтобы сохранить для нас Его облик: исторический, но в то же время и Божественный образ. Это не портрет — скорее, икона; но “историческая” икона, образ Воплотившегося Господа. Вера не создает новых ценностей; она открывает одну — непреходящую. Сама вера есть род видения — “уверенность в невидимом” (Евр. 11:1; свт. Иоанн Златоуст объясняет *elenchos* [доказательство] как *opsis* [зрение]). Невидимое не менее, даже более реально, чем видимое. “*Никто не может назвать Иисуса Господом, как только Духом Святым*” (1 Кор. 12:3).

Это значит, что только через духовный опыт можно понять Евангелие во всей его полноте и глубине. Но открытое верой дано в истине. Евангелия написаны в Церкви. Они свидетельствуют о Церкви, являясь свидетельствами ее веры и опыта. Но от этого они не перестают быть историческими повествованиями и свидетельством того, что действительно произошло в пространстве и во времени. Если “верой” мы открываем много более того, что можем постичь “чувствами,” то это только доказывает полную несостоятельность чувств в познании духовного мира. Великое деяние Бога Искупителя, Его решительное вторжение в ход исторических событий произошло на самом деле. Не стоит разделять “событие” и “его значение” — и то и другое дано нам в реальности.

Церковь — хранительница Откровения. Следовательно, она первейшая и главная его истолковательница. Библия сохраняет и охраняет Откровение; охраняет, но не объясняет. Человеческие слова — не более чем знаки. Оживляет их свидетельство Духа. Сейчас мы имеем в виду не отдельных людей, внезапно озаренных Святым Духом, но прежде всего неоскудевающую помощь Духа, дарованную Церкви, которая есть “*столп и утверждение истины*” (1 Тим. 3:15). Писание нуждается в истолковании. Суть его — не в словах, а в Вести. А Церковь — назначенная Богом вечная свидетельница истинности и значения Вести, ибо она сама принадлежит к Откровению, как Тело Воскресшего Господа. Проповедь Евангелия, провозглашение Слова Божиего есть, несомненно, самая суть Церкви. Церковь стоит свидетельством. Но это свидетельство — не только указание на прошлое, не только воспоминание, но и открытие — вновь и вновь — Вести, когда-то дарованной святым и с тех пор хранимой верою. Более того, в жизни Церкви Весть вечно возобновляется. Сам Христос, как Искупитель и Глава Своего Тела, вечно живет в Церкви и продолжает дело искупления. Спасение в Церкви не только возвещается и провозглашается, но и происходит вновь и вновь. Священная история продолжается. Бог снова совершает великие дела. *Magnalia Dei* не ограничены прошлым; они продолжаются в Церкви и — через Церковь — в мире. Сама Церковь есть неотъемлемая часть новозаветной Вести. Церковь — часть Откровения, истории “Всего Христа” (по выражению блаж. Августина, “*totus Christus: caput et corpus*” [весь Христос — Глава и Тело]) и Святого Духа. Конец Откровения, его *telos*, еще не наступил. И Новый Завет истинно и полно живет только в опыте Церкви. Церковная история есть история искупления. Истина Книги открывается и укрепляется по мере возрастания Тела.

История и Догмат.

Прежде всего необходимо понять, что Библия — трудная книга, “*книга за семью печатями*.” С течением времени она легче не становится. Однако дело не в том, что Библия, например, написана на незнакомом языке или содержит непонятные слова, не поддающиеся расшифровке. Напротив, сложность Библии — в ее удивительной простоте: тайны Бога открываются обычным людям в повседневной жизни, и вся книга выглядит какой-то слишком человеческой. Даже Сам Воплощенный Господь является нам в облике простого человека.

Писания “*богодухновенны*,” они — Слово Божие. Что такое “вдохновение Духа,” мы никогда не сможем точно определить — здесь тайна. Это тайна общения Бога с человеком. Мы не можем до конца понять, как именно “*святые люди Божии*” слышали Слово Господа, как смогли они выразить его словами собственного языка. Но и в человеческой передаче звучит голос Божий. Слово Божие в словах человеческих: здесь лежит тайна и чудо Библии. Как бы мы ни понимали “вдохновение,” нельзя не обращать внимания вот на что: Писание действительно сохраняет и передает Слово Божие в человеческих словах. Бог говорил с человеком; но человек должен был выслушать и понять Его. “*Антропоморфизм*” — неотъемлемый признак истинного Богоявления. И это не снисхождение к человеческой слабости. Смысл его скорее в том, что человеческий язык, передавая Божественное Откровение, не теряет своих природных черт. Чтобы точно передать Божественное Слово, не нужно отказываться от нашего языка как от “слишком человеческого.” Человеческое не отбрасывается прочь, но преобразуется Божественным вдохновением. Сверхъестественное не уничтожает естественного; *hyper physin* [сверхъестественное] не означает *para*

physin [противоестественное]. Человеческий язык не искажает и не умаляет славы Откровения, не ослабляет мощи Слова Божия.

Слово Бога можно верно и точно воспроизвести в словах человеческих. Слово Божие не меркнет, когда звучит по-человечески. Ибо человек создан по образу и подобию Божию, и эта связь “по подобию” делает возможным общение. С тех пор, как Бог удостоил человека общением, само человеческое слово **преобразилось**, приобрело новую глубину и силу. Дух Божий дышит в строе человеческой речи. Так человек смог назвать Бога и говорить о Нем. Стало возможно богословие — *theologia*, т.е. *logos peri Theou* (слово о Боге). Строго говоря, богословие стало возможно только через Откровение. Это человеческий ответ Богу, заговорившему первым. Это отклик человека Богу, Который заговорил с ним, Чьи слова человек услышал, сохранил и теперь записывает и повторяет. Конечно, этот ответ несовершенен. Богословие всегда в движении. Но основа и точка отсчета всегда одна: Слово Божие, Откровение. Богословие всегда свидетельствует об Откровении. Свидетельствует по-разному: верой, догматами, священнодействиями и символами. И в каком-то смысле главным ответом является само Писание — вернее, оно является одновременно Словом Божиим и ответом человека: Словом Божиим, переданным через полный веры отклик человека. В любой передаче Слова Божия в Писании всегда есть доля человеческого истолкования. Оно неизбежно в какой-то мере “ситуационно-обусловлено.” Да и может ли человек отрешиться от своих человеческих условий?

Церковь излагала и систематизировала Весть Писания различными путями и способами, но прежде всего — в догматах. Христианская вера развилась и выросла в систему верований и убеждений. В любой подобной системе внутренняя структура Вести выдвинута вперед, и все частные положения веры жестко связаны друг с другом. Несомненно, мы нуждаемся в системе; в наших путешествиях нужна карта. Но чтобы начертить карту, нужна местность. Всякая система догматов строится на Откровении. Чрезвычайно важно, что Церковь никогда не рассматривала догмат как замену Откровению. Они шли бок о бок: основные идеи Вести, выраженные в абстрактной форме в догматах и верованиях, и отдельные документы, относящиеся к тому или иному пункту Откровения. Можно сказать, что мы имеем дело с Догматом и Историей.

Но вот вопрос: как и до какой степени можно заключить историю в догмат? Это главная проблема богословской герменевтики. Что такое **богословское** истолкование Библии? Как построить единую схему из множества разнообразных свидетельств, возникших на протяжении сотен лет? Библия едина, но в ней собраны самые разные писания. Мы не имеем права закрывать на это глаза. Решение в конечном счете зависит от нашей концепции истории, от нашего видения времени. Самое легкое — просто забыть о ходе истории и различиях между эпохами. Это искушение преследовало христианство с самых ранних времен. В нем коренятся все аллегорические истолкования: от Филона Александрийского и Псевдо-Варнавы до воскресшего аллегоризма послереформационных времен. Это вечный соблазн всех мистиков. Библия рассматривается как книга священных притч, написанная на особом символическом языке, и задача экзегезы — разгадать скрытый смысл, открыть Предвечное Слово, скрытое под разнообразными покровами. Историческая истина и перспектива неуместны в этой концепции. Историческая конкретика — не более чем рамка картины, поэтическая образность. Все устремлено на поиски **вечных** значений. Вся Библия превращается в сборник поучительных примеров и таинственных символов, указующих на некую надвременную истину. А разве Истина Божия не едина и не вечна? При таком подходе естественно искать в Ветхом Завете доказательства всех важнейших хри-

стианских догматов и верований. Два Завета как бы сплавляются в один, надвременной, стираются их существенные различия. Опасности и недочеты такого герменевтического подхода очевидны и не нуждаются в развернутом объяснении.

Единственное реальное спасение от этого соблазна — восстановление чувства истории. Библия — это **история**, а не система верований, и нельзя делать из нее *summa theologiae* [Сумму богословия]. Но это история не человеческой веры, а Божественного Откровения. И остается нерешенным главный вопрос: зачем нам сразу и Догмат и История? Для чего и почему Церковь хранит и то и другое? Самый легкий и самый неудовлетворительный ответ — таков: Писание — точная запись Откровения, а все остальное — не более чем подстрочный комментарий. Разумеется, комментарий не обладает авторитетом текста. В этом мнении есть доля истины, но тут же мы сталкиваемся с новым затруднением: почему даже позднейшие стадии Откровения не превзошли ранних? Почему в Новом Завете Христовом мы нуждаемся в законе и пророках, и они в какой-то степени не менее значимы, чем Евангелие и другие книги Нового Завета? Они — словно разные главы одной Книги. Ибо несомненно, что они включены в канон Писания не просто как исторические документы, но как главы, посвященные уже пройденным ступеням истории. В особенности это относится к Ветхому Завету. “Ибо все пророки и закон прорекли до Иоанна” (Мф. 11:13). Почему же и зачем мы храним закон и пророков? Как пользоваться Ветхим Заветом в Церкви Христовой?

Прежде всего — как историей. Но это священная история — история не человеческих верований и их развития, а великих деяний Божиих. И эти деяния — не случайные вторжения Бога в человеческую жизнь. Это таинственная связь и единение с человеком. Своими делами Бог вел избранный народ к высшей цели — ко Христу. Первые ступени пути как бы отражены или заключены в последующих. Это одно продолжительное действие Бога, скрепленное одной целью. На такой концепции строится так называемое “типологическое истолкование.” Терминология Отцов Церкви в этом вопросе довольно расплывчата. Но всегда существовало четкое различие между двумя системами или подходами. Один из экзегетических методов — аллегоризм. Аллегорист работает прежде всего с текстами: “за буквой” и “под буквой” Писания он ищет скрытый истинный смысл эпизодов, фраз и даже отдельных слов. Типолог же истолковывает не столько тексты, сколько события. Это не только филологический, но и исторический метод. Типолог ищет, обосновывает и показывает внутреннюю перекличку событий обоих Заветов. Он не ищет “параллелей” или подобий. И не каждый эпизод Ветхого Завета имеет себе соответствие в Новом. Но основные события Ветхого Завета являются “типами,” прообразами основных событий Нового. Эти соответствия Божественного происхождения: это, так сказать, ступени единого искупительного процесса, ведомого Провидением.

В этом смысле типологию использовал еще апостол Павел (правда, называя ее аллегорией: “В этом есть иносказание” — Гал. 4:24). За всеми деяниями Бога стоит одна цель, которая была полностью открыта нам во Христе. Блаж. Августин очень точно говорит об этом: “Мы должны искать тайну не только в слове, но и в самом событии” (Толкование 68-го Псалма, слово II, 6). “Тайной” Ветхого Завета был Христос не только потому, что Моисей или пророки “говорили о Нем,” но прежде всего потому, что все течение священной истории, направляемое Богом, стремилось к Нему. И в этом смысле Он был исполнением всех пророчеств. Поэтому Ветхий Завет может быть понят и тайны его раскрыты только в свете Христа — они раскрыты пришествием Того, “Который должен прийти.” Истинное пророческое значение пророчеств ясно видно только, так сказать, при взгляде

назад, после их исполнения. Неисполненное пророчество всегда туманно и загадочно (таковы пророчества Апокалипсиса, которым только предстоит исполниться “в конце времен”). Но это не значит, что мы произвольно вкладываем в старый текст новое значение; это значение уже было там, хотя и в скрытом виде. Когда, например, мы вместе с Церковью отождествляем Страдающего Отрока книги Исаяи с Распятым Христом, мы не просто применяем видение из Ветхого Завета к событию из Нового, мы раскрываем значение самого видения, хотя во времена, предшествующие Христу, оно не могло быть полностью раскрыто. То, что было лишь видением (“предвидением”), стало историческим фактом.

Есть и другой чрезвычайно важный вопрос. Для аллегориста “образы,” которые он толкует, суть отражения предвечного прототипа или даже образы некоей вечной и абстрактной “истины.” Они указывают на что-то вневременное. Типология же устремлена в будущее. “Типы” — это предвосхищения, прообразы, их “прототип” только должен прийти. Итак, типология — более исторический, чем филологический метод. Он предполагает и заключает в себе реальность истории, ведомой и направляемой Богом. Он органически связан с идеей Завета. Прошлое, настоящее и будущее связаны единством Божественной Цели, и Цель эта есть Христос. Поэтому типология имеет прежде всего христологическое значение (сюда включается и Церковь как Тело и Невеста Христова). Разумеется, на практике невозможно точно соблюсти равновесие. Даже у Отцов Церкви типология порой сочетается с уклонениями в аллегоризм и наростами иносказательных толкований — особенно это касается их проповедей и молитв. Важно, однако, что в катехизической традиции Ранней Церкви, сосредоточенной на таинствах, равновесие всегда сохраняется. Это традиция Церкви, и отклонения от нее следует отнести скорее к особенностям мышления или богатому воображению отдельных ее сынов. Церковь в своей трезвости исторична. Священное Писание читается в Церкви наряду с исповеданием веры (то есть системой догматов), дабы напомнить верующим об исторической основе и фундаменте их веры и надежды.

Блаж. Августин утверждал, что пророки говорили о Церкви даже более отчетливо, чем о Самом Мессии, то есть Христе (in ps. 30; *enarratio*, 2. ML., 36, 244). В каком-то смысле это естественно: ведь Церковь уже была. Израиль, избранный народ, народ Завета, был более Церковью, чем нацией, как бывают ими прочие нации. *Ta ethni, nationes*, или *gentes* — эти близкие по смыслу термины употребляются в Библии (и позже) только по отношению к язычникам, в отличие от единственной нации или народа, ставшего также (и прежде всего) Церковью Божией. Закон был дан Израилю как Церкви. Он охватывал всю человеческую жизнь — и “светскую” и “духовную” — ибо все человеческое существование должно регулироваться Божественными предписаниями. Разделение жизни на “светскую” и “духовную,” строго говоря, необоснованно. Во всяком случае, Израиль был Богоустановленной общиной верующих, объединенных Законом Божиим, истинной верой, священными обрядами и священством — все эти элементы мы находим и в традиционном определении Церкви. Ветхий Завет был исполнен в Новом, договор восстановлен, и Ветхий Израиль извергнут по крайнему своему неверию; он не узнал дня посещения своего. Истинное продолжение Ветхого Завета возможно только в Церкви Христовой (кстати, вспомним, как эти слова звучат по-еврейски: Церковь — *кагал*, Христос — *Мессия*). Она есть истинный Израиль, Израиль *kata pneuma* [по духу]. Поэтому еще св. Иустин решительно отвергал мнение, что Ветхий Завет связывает воедино Церковь и синагогу. Он верил в прямо противоположное. Все иудейские притязания должны быть отвергнуты; раз евреи не верят в Иисуса Христа, то и Ветхий Завет им более не принадлежит. Никто более

не может предъявлять права на Моисея и пророков, если он не с Иисусом Христом. Ибо Церковь есть Новый Израиль и единственная наследница всех ветхих обетований. В этих ригористических размежеваниях ранние апологеты христианства заявляют новый и важный герменевтический принцип. Ветхий Завет должно читать и истолковывать как книгу Церкви. Книгу о Церкви, добавим мы.

Закон был превзойден Истиной (в этом состояло его исполнение) и отменен. Больше нет нужды налагать на новообращенных тяжкие бремена. У Нового Израиля своя конституция. Эта часть Ветхого Завета устарела. Она была в основе своей “ситуационно-обусловленной” — не столько в исторически-относительном, сколько в глубоко провиденциальном смысле. Господь создал или начал новую ступень искупления, новую фазу в священном деле спасения. Все, что по своей сущности принадлежало к предыдущей ступени, потеряло свое значение — или, вернее, сохранило значение только как прообраз. Даже Десять Заповедей не исключение: они превзойдены “новой заповедью.” Теперь Ветхий Завет можно использовать только в его отношении к Церкви. До Воплощения Церковь была ограничена одним народом. Теперь нет больше национальных различий: нет ни иудея, ни эллина — все едины в Едином Христе. Другими словами, мы не имеем права вырывать какие-то моменты Ветхого Завета из книги Церкви и объявлять их данным в Писании образцом для нашей современной жизни. Ветхий Израиль был прообразовательной Церковью, но отнюдь не идеальным народом. Об этом можно сказать следующее. Несомненно, из Библии мы можем почерпнуть немало сведений о социальном законодательстве — это входит в Весть Грядущего Царства.

Мы можем немало узнать о политической, социальной и экономической организации евреев на протяжении веков. Все это может очень помочь нам в социологических дискуссиях. Но едва ли допустимо выискивать в Библии (то есть в Ветхом Завете) какой-то вечный, идеальный образец политического или экономического устройства, подходящий для современности — или для любого другого времени и места. В Библии много исторических сведений. Но это уроки истории, а не богословия. Библейский фундаментализм в социологии не лучше, чем в любой другой области. Библия не авторитет в общественных науках, как и не авторитет в астрономии. Единственный социологический урок, который можно извлечь из Библии — факт существования Церкви, Тела Христова. Но ни один библейский рассказ о преходящем нельзя воспринимать как “свидетельство Писания.” “Свидетельства Писания” бывают только в богословии. Это не значит, что невозможно найти и не надо искать в Библии руководства в практической жизни.

Такой поиск не будет “богословствованием.” И, может быть, уроки ветхозаветной истории ничем принципиально не отличаются от других уроков прошлого. В Ветхом Завете необходимо различать вечное и преходящее (“ситуационно-обусловленное”). И прежде всего мы должны преодолевать его национальную ограниченность. Иначе мы можем не заметить нового в Новом Завете. В самом Новом Завете проведено четкое различие между историей и пророчеством. Истинная тема Библии — не народы и общества, не небо и земля, а Христос и Его Церковь. Ветхий Завет был прообразом не какого-то случайного народа, а Нового Завета — Вселенской Церкви. Национальная ограда прообразовательной Церкви сокрушена “спасением всех.” После Христа возможен только один народ — христиане, *genus Christianum* — *tertium genus* [третий народ], по старинному выражению. Ни один народ не может, ссылаясь на Писание, выдвигать какие-то претензии и требовать привилегий. Национальные различия принадлежат природе и не имеют отношения к благодати.

Библия закончена. Но священная история продолжается. Библейский канон включает пророческую книгу Откровения. Впереди — грядущее Царство, последнее исполнение обетований, поэтому и в Новом Завете есть пророчества. Вся жизнь Церкви есть в каком-то смысле пророчество. Но после Рождества Христова само понятие будущего изменилось *post Christian natum*. В Церкви Христовой грань между настоящим и будущим получила новое значение. Ибо теперь Христос не только в будущем, но и в прошлом, и в настоящем. Это чрезвычайно важно для правильного понимания Библии. Все герменевтические правила и принципы необходимо пересмотреть в свете этой эсхатологической перспективы. Но здесь нас подстерегают две опасности. Во-первых, между Ветхим и Новым Заветами нет полной аналогии, в глубине своей они различны и относятся друг к другу как “образ” и “истина.” Отцы Церкви учили, что Слово Божие открывалось людям постепенно на протяжении всего Ветхого Завета. Однако, ветхие Богоявления нельзя ставить в один ряд с Воплощением Слова и придавать им такое же значение, иначе Искупление превратится в бледную аллегория. “Прообраз” есть не более чем тень, изображение, а в Новом Завете мы встречаемся с реальным событием. Новый Завет — не только “образ” Грядущего Царства, Он — Сам есть Царство, пришедшее в мир. Во-вторых, преждевременно говорить о “сбывшихся пророчествах” поскольку “последнее” (последние времена) еще не наступило и священная история не окончена. Лучше сказать, что пророчества начали сбываться. Это более по-библейски — ведь поворотная точка Откровения уже в прошлом. “Последнее,” или “новое,” уже вошло в историю, но финал еще не наступил. Царство началось, но не исполнилось. Сам строгий канон Писания символизирует полноту. К Библии ничего нельзя добавить, ибо Слово Божие стало плотью. Наша последняя инстанция — не Книга, а Живой Человек. Но Библия сохраняет свой авторитет не только как летопись, но и как пророческая книга, полная тайн, указующих на будущее, на конец истории.

Священная история Искупления продолжается. Теперь это история Церкви, которая есть Тело Христово. Дух-Утешитель обитает в Церкви. Законченной системы догматов в христианстве нет и быть не может, ибо Церковь вечно в пути. И Библия хранится в Церкви как историческая книга, призванная напоминать верующим о динамической природе, “многократности и многообразности” Божественного Откровения.

Утрата библейского мышления.

“...есть истина о Иисусе” (Еф.4:21).

Христианские священнослужители не должны проповедовать, во всяком случае с амвона, свои частные мнения. Они рукоположены, и им вверена в Церкви проповедь именно Слова Божия. Им даны определенные указания — а именно, Евангелие Иисуса Христа — и поручение нести только это единственное и надвременное благовестие. От них ожидают распространения и поддержания *“веры, единожды преданной святым.”* Конечно, Слово Божие должно проповедоваться “эффективно.” Это значит, что оно всегда должно быть преподано так, чтобы нести убежденность, вызывать приверженность к нему в каждом новом поколении, каждой, той или иной, группе людей. Его можно преподавать и в новых категориях, если этого требуют обстоятельства. Но превыше всего должно сохранять подлинность возвещаемого благовестия.

Должна быть уверенность в том, что проповедуется то же самое Евангелие, которое было дано, что вместо него не вводится “иное евангелие” собственного производства. Слово Божие нельзя с легкостью приспособлять и подгонять к изменяющимся обычаям и взглядам того или иного времени, включая и наше. Но, к сожалению, мы часто бываем склонны применять к Слово Божие мерки нашего собственного “возраста,” вместо того чтобы проверять себя “мерой возраста Христова.” А “современное мышление” ведь тоже стоит перед судом Слова Божия.

Современный человек и Священное Писание.

С этого именно и начинается наша основная трудность. Большинство из нас утратило целостность мышления, свойственную Священному Писанию, даже если мы и сохраняем кое-какие отрывки библейской фразеологии. Современный человек часто жалуется, что Истина Божия преподается ему на “архаическом языке,” т.е. языке Священного Писания, который перестал быть для него своим и к которому он не может естественно прибегать. Недавно было предложено коренным образом “демифологизировать” Писание, т.е. заменить его устаревшие категории чем-то более современным. Но здесь невозможно обойти вопрос: является ли язык Писания всего лишь случайной и внешней оболочкой, из которой следует извлечь и выпутать некие “вечные идеи,” или же язык этот есть непреходящий носитель божественного благовестия, принесенного единожды и на все времена?

В процессе постоянных реинтерпретаций мы рискуем утратить единственность Слова Божия. Но как же мы можем вообще интерпретировать, если мы забыли изначальный его язык? Не безопаснее ли нам смирить свое мышление перед умственными нормами библейского языка и вновь научиться ему? Ни один человек не может воспринять Евангелие, если не покается, т.е. “обратится.” Ибо на языке Евангелия покаяние (*μετάνοια*) означает не просто признание своих грехов и сожаление о них, но именно “обращение” — глубокий переворот мыслительной и эмоциональной установки человека, всецелое его обновление, которое начинается с самоотречения и запечатлевается Духом.

Мы живем теперь в век умственного хаоса и распада. Возможно, что современный человек не нашел себя, и разнообразие существующих мнений уже не допускает никакой надежды на умиротворение. И, может быть, единственным световым сигналом, способным руководить нами в сплошном умственном тумане нашего отчаянного века, является именно вера, однажды преданная святыми, как бы не казался устаревшим или архаическим язык древней Церкви перед судом наших изменчивых мерил.

Проповедуйте Символ веры.

Что же нам проповедовать? Что я должен проповедовать своим современникам в “такое время, как наше”? Здесь нет места колебаниям. Проповедовать я буду Иисуса, и Иисуса распятого и воскресшего. Всем, к кому мне придется обращаться, я буду проповедовать и нести благовестие спасения так же, как оно дошло до меня в непрерывном Предании вселенской Церкви. Я бы не стал ограничивать себя своим собственным временем. Другими словами, проповедовать я буду учения Символа веры. Я вполне сознаю, что они являются преткновением для многих людей моего поколения. “Символы веры — почтенные символы, так же как старые флаги на стенах национальных церквей: но для нынешней борьбы Церкви в Азии, Африке, Европе и Америке символы эти, даже когда их понимают, столь же нужны, как военный топорик или аркебуза в руках современного солдата.” Эти слова были написаны несколько лет назад видным английским ученым, который является

также и ревностным священнослужителем. Может быть, он не написал бы этого сегодня. Однако многие и сейчас от всего сердца присоединились бы к этому сильному суждению. Вспомним все же, что древние Символы веры были подчеркнута библейскими, и трудность их для современного человека заключается именно в их языке, заимствованном из Священного Писания.

Итак, мы снова стоим перед той же проблемой. Что мы можем предложить вместо Священного Писания? Я предпочитаю язык Предания не из ленивого и легковверного “консерватизма” или слепого “послушания” каким-либо внешним “авторитетам,” но просто потому, что я не могу найти лучших способов выражения. Я готов к неизбежному обвинению меня в “антикварности” и “фундаментализме.” Против этих обвинений я протестую как против произвольных и ложных. Учения Символов веры я принимаю сознательно и придерживаюсь их от всего сердца потому, что верой воспринимаю непреходящее их значение и своевременность для всех времен и ситуаций, включая и “такое время, как наше.” И я верю, что именно учения древней Церкви могут дать такому безнадежному поколению, как наше, возможность вновь обрести христианское мужество и видение.

Предание живо.

“Церковь не есть ни музей мертвых осколков, ни общество исследований.” Она, говоря словами святого Ириния, *depositum juvenescens*¹. Символ же веры не реликвия прошлого, а скорее “духовный меч.” Новое обращение мира в христианство — вот то, что мы должны проповедовать в наше время. Это единственный выход из того тупика, в который завела мир неспособность христиан быть истинно христианами. Очевидно, что христианское учение не дает *непосредственного* ответа на практические вопросы в области политики или экономики. Не отвечает на них и Евангелие Христово. И однако его влияние на весь ход истории человечества было огромным. Признание человеческого достоинства, милосердия и праведности коренится именно в Евангелии. И новый мир может быть построен только новым человеком.

Что означал Халкидон.

“Вочеловечился.” В чем заключается основное значение этого утверждения Символа веры? Или, другими словами, *кто* был Иисус Христос и Господь? Что означает на языке Халкидонского собора то, что один и тот же Иисус был и “совершенным Человеком,” и “совершенным Богом,” будучи при том единой и единственной личностью? “Современный человек” обычно очень критически относится к этому халкидонскому определению. Он не видит в нем никакого смысла. Словесные образы, употребляемые Символом веры, если что-нибудь для него и значат, то только поэзию. Самый такой подход, по моему, ложен. Халкидонское определение — не просто метафизическое высказывание и никогда не претендовало им быть. И тайна Боговоплощения не есть некое “метафизическое чудо.” Халкидонская формула есть утверждение веры, и ее поэтому нельзя понять, изымая из всецелого опыта Церкви. Это утверждение подлинно жизненное, экзистенциальное.

Халкидонская формула — как бы умозрительный контур тайны, воспринимаемой верой: наш Искупитель *не* человек, а *Сам Бог*. В этом и заключается жизненное значение этого постановления. Искупитель — это Тот, Кто “снизошел” и Кто, “вочеловечившись,” отождествил Себя с людьми в общности истинно человеческой жизни и природы. Божественным был не только замысел спасения, но и сам Начальник спасения был божест-

венной Личностью. Полнота человеческой природы Христа означает, что это спасительное отождествление истинно и полноценно. Бог входит в человеческую историю и становится исторической Личностью.

Это выглядит парадоксально. И действительно здесь тайна: “Беспрекословно велика тайна Божества; Бог явился во плоти.” Но тайна эта была Откровением. В воплощении раскрылась истинная природа Бога. Бог оказался настолько сильно и непосредственно озабоченным судьбой человека (и именно судьбой каждого из “малых сил”), что *лично* вмешался в хаос и убожество его потерянной жизни. Поэтому божественное домостроительство есть не просто всемогущее управление вселенной божественным величием, а кеносисⁱⁱ, само-истощение Бога славы. Между Богом и человеком существует *личная* связь.

Трагедия, освещенная новым светом.

Отсюда вся человеческая трагедия представляется в новом свете. Тайна Воплощения была тайной божественной любви, отождествления Бога с павшим человеком. Вершиной же Боговоплощения является Крест. Здесь поворотный момент судьбы человечества. Но страшную тайну Креста можно понять только в более общей перспективе целостной христологии, т.е. только тогда, когда мы уверуем, что Распятый был действительно “Сын Бога живого.” Смерть Христова была вхождением Бога в бедность человеческой смерти (вхождение, повторяю, *личное*), сошествие во ад, а это означало конец смерти и начало присносущной жизни для человека.

Весь комплекс традиционного учения удивительно последователен. Но воспринять его и понять можно только в живом контексте веры: я имею в виду личное общение с личным Богом. Только вера делает формулировки убедительными; только вера делает их живыми. “Это кажется парадоксальным, но все, наблюдавшие духовную жизнь, констатируют: Евангелие никому не бывает на пользу, если он сперва не полюбит Христа.” Ибо Христос не текст, а живое Лицо и Он живет в Своем Телe — Церкви.

Новое несторианство.

Может показаться смешным говорить в “такое время, как наше” о том, что надо проповедовать учение Халкидонского собора. И однако именно это учение — та реальность, о которой это учение свидетельствует — может изменить весь духовный облик современного человека. Оно несет ему истинную свободу. В этом мире человек не один, Бог лично заинтересован в событиях человеческой истории. Это то, что непосредственно вытекает из целостного восприятия Боговоплощения.

То, что христологические споры прошлого не имеют действительного значения для современного положения, — иллюзия. На самом деле они продолжаются и повторяются в спорах нашего времени. Современный человек, будь то осознанно или подсознательно, вовлекается в несторианскую крайность. Это значит, что он не принимает Боговоплощение всерьез. Он не решается поверить, что Христос — божественная Личность. Он хочет искупителя *человеческого*, которому Бог только помогает. Ему интереснее человеческая психология Искупителя, чем тайна божественной любви. Потому что в конечном счете он верит оптимистически в достоинство человека.

Новое монофизитство.

Другой крайностью является возрождение в наше время “монофизитских” тенденций в богословии и религиозной практике, когда человек доводится до полной пассивно-

сти и ему разрешается только слушать и надеяться. Нынешнее расхождение между “либерализмом” и “неоправославием” есть, по существу, повторение старого христологического спора на ином жизненном уровне и в ином духовном ключе. Этот конфликт никогда не уладится и не найдет разрешения в богословской области, пока не будет найден более широкий его охват.

В древней Церкви проповедь была подчеркнута богословской. Это не было бесплодное рассуждение. Сам Новый Завет есть книга богословская. Пренебрежение богословием в обучении мирян породило как упадок личного благочестия, так и чувство неудовлетворенности, господствующее в современных настроениях. “В такое время, как наше,” нам нужно в христианстве именно здоровое, жизненное богословие. И духовенство и миряне ощущают богословский голод. А так как богословие обычно не проповедуется, они воспринимают чуждые идеологии, которые комбинируют с фрагментами традиционных верований. Вся притягательная сила “конкурирующих евангелий” нашего времени в том и заключается, что они предлагают то или иное псевдобогословие, систему псевдодогматов. Они с радостью воспринимаются теми, кто не может найти никакого богословия в ущербленном христианстве “современного стиля.” Эта жизненная альтернатива, перед которой стоят многие люди в наши дни, хорошо сформулирована одним английским богословом: “Догмат или... смерть.” Время адогматизма и прагматизма прошло. Поэтому священнослужители Церкви снова должны проповедовать учения и догматы — Слово Божие.

Современный кризис.

Первой задачей современного проповедника является “восстановление веры.” Это ни в коем случае не интеллектуальное усилие. Вера — это только карта истинного мира, и ее не следует принимать за реальность. Современный человек слишком погряз в своих собственных идеях и убеждениях, своих реакциях и занимаемых позициях. Кризис нашего времени, ускоренный гуманизмом (этот факт неоспорим), произошел от того, что был вновь открыт тот реальный мир, в который мы верим. Вновь открыть Церковь — вот самый решающий аспект нынешнего духовного реализма. Действительность уже не отгорожена от нас стеной наших собственных идей. Она снова доступна. Снова сознается, что Церковь не просто общество верующих, но Тело Христово. Здесь открытие нового измерения, открытие постоянного присутствия Искупителя в верном Ему стаде. Это бросает новый свет на убожество нашего раздробленного существования в основательно секуляризованном мире. Многие уже признают, что истинное разрешение всех социальных проблем каким-то образом заключено в восстановлении Церкви. В “такое время, как наше,” надлежит проповедовать “всего Христа,” Христа и Церковь — *totus Christus, Caput et corpus*, повторяя знаменитые слова бл. Августина. Возможно, что такая проповедь еще необычна, но она является, по-видимому, единственно возможной *эффективной* проповедью Слова Божия в такой, как наш, период отчаяния и гибели.

Актуальность святых отцов.

У меня часто бывает странное чувство. Когда я читаю древних классиков христианского богословия, отцов Церкви, я нахожу, что они более актуальны для моего времени с его бедствиями и проблемами, чем продукция современных богословов. Отцы боролись с жизненными проблемами, с теми проявлениями вечных вопросов, которые описаны и изложены в Священном Писании. Я бы рискнул сказать, что св. Афанасий и бл. Августин

гораздо более современны, чем многие из наших теперешних богословов. Причина здесь простая: они говорили о реальных вещах, а не о картах, были озабочены не столько тем, во что человек может поверить, сколько тем, что Бог сделал для человека. Нам, “в такое время, как наше,” следует расширить свою перспективу, признать древних учителей и попытаться создать для нашего времени жизненный синтез христианского опыта.

Откровение и опыт.

“И в человецех благоволение”... (Лк.2:14)

1. В религиозном познании есть две стороны: *Откровение и Опыт*. Откровение есть голос Бога, — голос Бога, говорящего к человеку. И человек слышит этот голос, внимает ему, приемлет и понимает Божие Слово. Бог затем и говорит, чтобы человек Его услышал. Бог затем и создал человека, по образу Своему, чтобы он слушал и слышал Его голос и слово... Под Откровением в собственном смысле мы разумеем именно это услышанное Слово Божие. Священное Писание есть запись услышанного Откровения. И, как бы ни понимать богодуховенность Писания, нужно признать: Писание передает и сохраняет нам голос Божий на язык человека. Оно передает и сохраняет Слово Бога так, как оно было услышано, как оно прозвучало в восприимчивой душе человека. Откровение есть Богоявление, теофания. Бог нисходит к человеку и являет Себя ему. И человек видит, созерцает Бога; и описывает, что видит и слышит; свидетельствует о том, что ему открылось... В том и заключается величайшее чудо и тайна Библии, что она содержит Слово Божие на человеческом языке. Не без основания древнехристианские экзегетыⁱⁱⁱ видели в ветхозаветном Писании предварение и прообраз грядущего Боговоплощения. Уже в Ветхом Завете Божественное Слово становится человеческим... Бог говорит к человеку на языке человека. Отсюда существенный антропоморфизм Откровения. И этот антропоморфизм не есть только аккомодация. Человеческий язык несколько не ослабляет абсолютность Откровения, не ограничивает силу Божьего Слова. Слово Божие может быть точно и строго выражено на языке человека. Человек способен слушать Бога, способен Его услышать, может вместить и соблюсти Божие Слово... Слово Божие не умаляется и не бледнеет от того, что звучит и произносится на человеческом языке. Ибо и сказано оно к человеку... Напротив, человеческое слово преобразуется и как бы пресуществляется от того, что Бог благоволил говорить на языке человека... И далее, Бог в Откровении говорит не только о Себе, но и о человеке. Во всяком случае, в Писании, и в Ветхом и в Новом Завете мы видим не только Бога, но и человека. Мы видим Бога, приходящего и являющегося к человеку; и мы видим людей, встречающих Бога и внимающих Его словам, — более того, отвечающих на Его слова. Мы слышим в Писании и голос человека, отвечающего Богу, — в словах молитвы, или благодарения, или хвалы. Бог хочет, ожидает, требует этого ответа. Бог ожидает, чтобы человек беседовал с Ним... В Писании прежде всего поражает эта интимная близость Бога к человеку и человека к Богу, эта освященность всей человеческой жизни Божественным присутствием, эта осеменение земли Божественным покровом. В Писании поражает нас, прежде всего, самый факт *Священной истории*. В Писании открывается, что история может быть священной, что человеческая жизнь может быть священна, что она должна быть освящена. И не только в смысле озарения ее Божественным светом как бы издали и со стороны. Ведь Откровение завершается Воплощением Слова, явлением Богочеловека. Откровение заключается созданием Церкви и сошествием Духа Святого в мире. И с тех

пор Дух Божий уже пребывает в мире веки, — так, как не был Он в мире прежде. Закончится Откровение явлением нового неба и земли, закончится оно космическим и вселенским преображением, — и будет Бог во всем (1Кор.15:28) ... Можно сказать: Откровение есть путь Бога в истории. Мы видим, как Бог ходит среди людей. Мы созерцаем Бога не только в трансцендентном удалении, не только в неприступном величии Его и в любящей близости к Его созданию. Бог открывается перед нами не только как Господь и Вседержитель, но еще и как Отец. И высшее Откровение Божье есть любовь, то есть близость...

2. Записанное Откровение есть история, — история мира как создания Божия. Писание начинается с сотворения мира и оканчивается пророчеством о новом творении. Станным образом нередко отвлекаются от истории в Писании, — точно история не входит в самую интимную его ткань... И тогда Библия превращается в книгу притч и символов, вечных и священных. Тогда ее нужно разгадывать и толковать именно как символ, по правилам аллегорического метода. Тогда кажется неважным и несущественным, случилось ли и бывало ли то, о чем в Библии повествуется. Подобно тому как в известном смысле не важно, существовал ли в исторической действительности милосердный самарянин, или Христос рассказал ученикам только притчу, — во всяком случае, образ самарянина остается поучительным и живым... Так понимали и объяснили Библию древние аллегористы, начиная с Филона. Так воспринимали Библию мистики, в Средние века и в эпоху Реформации, и позже. К такому пониманию склоняются часто и современные богословы. Слишком часто на Библию смотрят как на некую книгу правил, вневременных и отвлеченных, как на свод Божественных определений и заповедей, как на сборник текстов или “богословских мест,” которыми можно оперировать без всякого внимания к историческим обстоятельствам. Библия становится тогда самодостаточной и самодовлеющей Книгой, — Книгой, которая, собственно говоря, ни для кого в особенности не написана. И потому — Книгой о семи печатях... Есть известная правда и в таком понимании. Но не вся правда. И неправда такого внеисторического восприятия Библии — в отвлечении от человека... Конечно, Слово Божие есть вечная истина, и Бог говорит в Откровении на все времена. Однако допущение множественности смыслов в Писании, признание в нем некоего сокровенного и отвлеченного от времени и истории смысла, угрожает реальности Откровения как исторического события и факта. Точно Бог говорил к людям так, чтобы те, к кому Он прежде всего и прямо говорил, Его не понимали, — или понимали не так, как разумел Бог. Точно Бог загадывал загадки человеку... Такое толкование растворяет историю в мифологии. Миф есть образ и символ. Миф есть притча. Но Библия не есть миф... Откровение есть не только система Божественных слов и примеров, но и система Божественных дел. И потому, прежде всего, история... История спасения, история Завета Бога с человеком... Ткань Священного Писания есть историческая ткань. Слова Божий всегда имеют, прежде всего, прямой смысл — и уже этот прямой смысл значителен. Бог как бы видит того, к кому Он говорит, и потому говорит так, чтобы быть услышанным и понятным. Ибо всегда говорит Он ради человека, для человека и для живого конкретного человека... Есть в Писании символика и символизм, но Писание не есть символ. И библейский символизм есть чаще пророческий символизм, нежели символизм иносказания и мифа... Есть притчи в Писании, но в целом Писание не есть притча... Прежде всего, нужно строго различать символику и типологию. “Тип,” τύπος, есть не столько “образ,” сколько “прообраз.” Символизм отвлекается от истории. А типология всегда исторична. Это есть вид пророчества, — когда пророчествуют

самые события... Если угодно, и пророчество есть символ, есть знак, указующий на иное, — но на иное в конкретном времени. Пророчество есть всегда исторический символ, обращающий внимание вперед, к грядущим событиям... Отсюда такая напряженность времени в Священном Писании... Ветхий Завет есть время мессианского ожидания — в нем основная тема Ветхого Завета. И Новый Завет есть, прежде всего, история, — евангельская история Воплощенного Слова, и начало истории Церкви, обращенной снова в ожидании к апокалиптическому исполнению... “Исполнение” есть вообще основная категория Откровения...

3. Откровение есть Слово Божие и слово о Боге. Но вместе с тем, Откровение есть всегда слово к человеку, призыв и обращение к человеку. И не тем достигается объективизм и точность в слышании и разумении Откровения, что человек отвлекается от самого себя, обезличивает себя, сжимается в математическую точку, превращает себя в “трансцендентального субъекта.” Как раз напротив. “Трансцендентальный субъект” никогда не услышит и не расслышит голоса Божия, Божия зова и призыва. И не к “трансцендентальному субъекту,” не к безличному “сознанию вообще” говорит Бог. “Бог живых,” Бог Откровения говорит к живым людям, к эмпирическим субъектам. И тем лучше, тем: полнее и точнее видит человек лицо Божье, чем ярче и живее его собственное лицо, чем полнее и точнее явлен, раскрыт или осуществлен в нем “образ Божий.” Наивысший объективизм в слышании и разумении Откровения достигается через наивысшее напряжение творческой личности, через духовное возрастание, через преображение личности, восходящей в подвиг “*в меру возраста Христова*” (Еф.4:13) ... От человека требуется не самоотрицание, но подвиг, не самоубийство, но обновление или преображение... Без человека невозможно Откровение, ибо некому было бы слушать, — и Бог не говорил бы тогда... В самом грехопадении человек не утратил до конца способность слышать и слушать Бога, не до конца лишился духовного слуха... И уже кончилось господство и засилие греха... Спасение совершилось... И снова дух человеческий способен слушать Бога и вмещать Его слова... Но Бог говорил к человеку не только для того, чтобы он запоминал и помнил Его слова. Слово Божие можно сохранить только в живом и горящем сердце... Откровение воспринимается в молчании веры, в молчаливом созерцании, — таков привычный и апофатический момент Богопознания. И в этом апофатическом созерцании уже дана и содержится вся полнота истины. Но истина *должна быть сказана*... Ибо человек призван не только к молчанию, но и к слову... *Silentium mysticum*^{iv} не исчерпывает всей полноты религиозного призвания человека... Человек призван не только слушать и внимать. Он призван к творчеству — и, прежде всего, к творчеству или созиданию самого себя. Это относится и к познанию... Слово Божье приемлется духом человеческим, как некое семя, — и оно должно прорасти в человеческом духе... Откровение истины должно раскрыться в действительность мысли... В этом творческий и катафатический момент познания.

4. Религиозное познание всегда остается существенно гетерономным, как видение и описание Божественной реальности, явленной и открытой человеку в Божественном нисхождении. Бог *является* человеку, и человек встречает и *созерцает* Бога. Откровение приемлется верой, и вера есть прозрение и созерцание. Истины веры суть *истины опыта*, — иначе сказать, *истины факта*. Вера есть описательное утверждение определенных и *абсолютных фактов*. Поэтому вера и недоказуема, — вера есть очевидность опыта... Нужно ясно различать эпохи Откровения. Не все было сразу открыто человеку. И нельзя опреде-

лять природу христианской веры по ветхозаветным примерам. Вера в ветхозаветного человека была именно доверчивым ожиданием, надеждой, — была ожиданием того, что еще не совершилось и не открылось, чего еще не было, что поэтому было “невидимым” (ср. о вере ветхозаветных праведников в Послании к Евреям^v...). Но время ожидания окончилось. Обетования сбылись. Господь пришел. И пришел для того, чтобы остаться и пребывать с верующими в Него “во все дни до скончания века” (Мф.28:20)... Он дал людям “власть быть чадами Божиими” (Ин.1:12). Он открыл им возможность нового рождения, рождения в Духе, возможность новой и духовной жизни. Он ниспослал в мир Духа Утешителя, чтобы Он наставил верующих “на всякую истину” (Ин.16:13), чтобы Он “напомнил” им все, что говорил Господь (Ин.14:26)... И потому верующие “имеют помазание от Святого и знают все, и не имеют нужды, чтобы кто-нибудь учил их” (1Ин.2:27) ... Они имеют “помазание истины,” Charisma veritatis certum, по выражению св. Иринейя Лионского (adv. haeres. IV. 26.2) ... Во Христе для человека открывается возможность и путь духовной жизни; и вершина духовной жизни есть видение и созерцание, ὁράσις и θεωρία... Это изменяет пафос веры. Христианская вера обращена не к ожидаемому будущему, но к прошлому, — не к тому, чего еще нет, но к тому, что уже совершилось. Она обращена, прежде всего, к пришедшему Христу... Можно сказать и иначе: она обращена к тому вечному настоящему или к той Божественной полноте, которая через Христа и во Христе открылась и открыта... Есть ожидание и в христианской вере, есть в ней апокалиптическая обращенность... Но во Втором Пришествии или возвращении Христа только исполнится то, что уже совершилось в Первом, что уже действует и совершается в мире... Спасение уже совершилось. Человеческое естество уже исцелено, уже восстановлено, уже освобождено, — хотя и только в начатке. В Ветхом Завете не было пути, — в этом та безнадежность и та немощь Закона, о которых говорил ап. Павел. Но в Новом открыт путь, хотя бы и путь бесконечный... И снова это относится и к познанию... В известном смысле можно сказать: Христос впервые сделал возможным Богопознание. Ибо подлинное Богопознание стало впервые возможным через то обновление человеческой природы, которое совершилось в Воплощении и Воскресении Богочеловека... Человек прозрел, снята пелена с его духовных очей... Богопознание стало возможным через основание Церкви — в Церкви, как в Телѣ Христовом, в единстве духовной или благодатной жизни человек может познавать и познать Бога... В Церкви самое Откровение становится внутренним. Бог уже не издали является и говорит к человеку. Бог пребывает в Церкви... И ныне Бог говорит к человеку в Церкви и через Церковь. Ныне Церковь говорит и преподает Слово Божие. В известном смысле Откровение становится исповеданием и свидетельством Церкви... Во всяком случае, Новый Завет, как Писание, позже Церкви. Это — книга, писанная в Церкви. Это есть запись церковного опыта и веры, запись веры, хранимой в Церкви. О Евангелии это нужно сказать прежде всего. В Четвероевангелии начертан и закреплен тот образ Спасителя, который от начала хранился в живой памяти Церкви, в опыте веры, — не в исторической только памяти, но в харизматической памяти веры. Евангелие не есть только книга исторических воспоминаний. Это есть “проповедь,” κήρυγμα, — или свидетельство. И в Церкви мы знаем Христа не только по воспоминаниям или рассказам. Не только Его образ жив в памяти верующих, — Он Сам пребывает среди них и с ними, и всегда стоит у дверей каждой души. В этом опыте живого общения с Христом преображаются и самые исторические воспоминания — сердце узнает в Иисусе из Назарета Богочеловека и Спасителя.

5. Божественное Откровение хранится в Церкви. Оно ограждено и закреплено словами Писания. Ограждено, но не исчерпано. Слова Писания не исчерпывают всей полноты христианского опыта и харизматической памяти Церкви. Поэтому не исключена возможность иных и новых слов. Во всяком случае, Писание подлежит толкованию, допускает истолкование... Неизменная истина опыта может быть описана по-разному, в разных словах... Божественная реальность, открывающаяся в опыте веры, может быть описана в образах и подобиях, на языке молитвенной поэзии и религиозного искусства. Таков был язык пророков в Ветхом Завете, так говорят нередко и евангелисты, так проповедовали апостолы, так проповедует Церковь и ныне в своих богослужебных песнопениях и в символике своих тайнодействий. И есть другой язык, язык постигающей мысли, язык догматов... Догмат есть суждение опыта, не теорема спекулятивной мысли. Весь пафос догмата — в указании на Божественную реальность. Догмат есть *свидетельство мысли* об увиденном и открытом, о видимом и созерцаемом в опыте веры, — и это свидетельство выражено в понятиях и определениях. Догмат есть “умное видение,” истина созерцания. Можно сказать, логический образ, “логическая икона” Божественной реальности. И вместе с тем *догмат есть определение*. Поэтому так важна в догмате его логическая форма, то “внутреннее слово,” которое закрепляется и в определенном внешнем выражении; поэтому так существенна в догмате и эта его внешняя, словесная сторона... Догмат ни в какой мере не есть новое Откровение. Догмат есть только свидетельство. Весь смысл догматических определений в том, чтобы свидетельствовать о неизменной истине, от начала явленной и хранимой. Поэтому совершенное недоразумение говорить о “развитии догматов.” Догматы не развиваются и не изменяются; они вполне неизменяемы и неприкосновенны, даже в своей внешней, словесной форме... Как это ни неожиданно, вернее сказать: догматы возникают, догматы устанавливаются или постановляются, но не развиваются. И раз установленный догмат есть вечное и уже неприкосновенное “правило веры”... В своем догматическом исповедании Церковь *высказывает* или *изрекает* хранимые ею истины. Догмат и есть, прежде всего, *изреченная истина*. В известном смысле догматические споры были спорами о словах. Нужно было найти и установить *точные слова*, которые бы верно выражали и описывали опыт Церкви. Надлежало начертать в слове то “умное видение,” которое открывается верующему духу в опыте и созерцании. Есть преддогматическая стадия в церковном исповедании, — тогда говорят в образах и символике. Но наступает время догматического свидетельства. Ибо истина веры есть истина и для разума, есть истина и для мысли. Это вовсе не значит, что она есть истина “чистой” мысли или чистого “разума.” Напротив, истина веры есть созерцаемая реальность, — то, что есть. В искании догматических слов человеческая мысль творчески преобразуется, преобразуется и освящается самая стихия мысли. Мысль входит в “разум истины.” Об этом косвенно свидетельствовала Церковь, осуждая ересь Апполинария. Осуждение апполинаризма есть поэтому некое косвенное оправдание ума и мысли... Не в том смысле, конечно, что “естественный” разум безгрешен и праведен; но в том смысле, что он доступен исцелению и преобразению, что он *может* быть исцелен и освящен, что он *может* обновиться... И если может, то и *должен*. Разум *призван* к Богопознанию... Осуждение апполинаризма есть оправдание “логического” богословия... “Философствовать о Боге” не есть только проявление пытливости или некоего дерзновенного любопытства. Напротив, это есть исполнение религиозного долга и призвания человека. И потому Церковь “философствовала” о Боге — “словом разума составляла догматы, которые прежде рыбаки излагали простыми словами” (из службы

Трём святителям)... “Догматы отцов” *пересказывают* в категориях мысли неизменное содержание “апостольской проповеди.”

6. Нужно прямо сказать: “составляя догматы,” Церковь выражала Откровение на языке греческой философии. Если угодно — переводила Откровение с еврейского языка, поэтического и пророческого, на греческий. Это было в известной степени “эллинизацией” Откровения. Но прежде всего это было *воцерковлением эллинизма*... Ветхий Завет кончился. Израиль не принял Мессию, не узнал и не признал Его. Израиль отрекся от Христа и был отвержен. И обетование перешло к языкам. Церковь есть, прежде всего, *Ecclesia ex gentibus*^{vi}... Этот основной факт христианской истории мы должны признать в смирении перед волей Божией, осуществляющейся в судьбах народов. Мы приемлем Откровение, как оно совершалось, — и напрасно спрашивать, не могло ли быть иначе. И в избрании эллинов мы должны распознать тайные судьбы Божией воли. “Призвание языков” было благословением Божиим, простертым над эллинизмом. Павел был послан к эллинам, а путь православного иудеохристианства оказался историческим тупиком. В этом не было и не могло быть “исторической случайности” — в религиозной судьбе человека не бывает “случайностей”... Нужно помнить, Евангелие дано всем нам и навсегда на языке эллинов. В этом “избрании” греческого языка, как неизменного и неизменяемого первоязыка христианского благовестия, столь же мало “случайного,” как и в том, что Бог из всех народов древности именно народ еврейский избрал в “свой народ,” — и “спасение от иудей есть” (Ин.4:22) ... И далее, проповедь Павла выражена в значительной мере в категориях эллинистического благочестия. Эллинистические формы культа сублимируются в христианском богослужении. Учение веры выражается на языке и в категориях эллинской мысли... Когда Божественная истина скажется и изрекается на человеческом языке, самые слова преобразуются. И то, что истины веры открываются в логических образах и понятиях, свидетельствует о преобразении слова и мысли, — слова *становятся* священными... Слова догматических определений, часто взятые из “повседневного” философского языка, уже не простые и не случайные слова, которые можно заменить другими. Нет, это — *вечные и незаменимые слова*... Это значит, что через изречение Божественной истины определенные слова, т.е. определенные понятия и категории, увековечены. Это значит, что есть вечное и безусловное в мысли, — если угодно, что есть некая “вечная философия,” *philosophia perennis*... Но это совсем не значит, что увековечена какая-нибудь *определенная* философская *система*, какая-нибудь из систем мирской философии. В известном смысле, самое христианское богословие есть особая философская система, — именно *особая* система, внутренне несоизмеримая с историческими системами “внешней философии.” Догматы изречены и выражены на философском языке, на языке философов, не на языке “общего смысла,” — догматические определения имеют в виду и разрешение определенных философских апорий и проблем. Однако догматы выражены вовсе не на языке какой-нибудь одной философской школы. Нам часто бросается в глаза великое сходство христианского и эллинского мирозерцания, — и возникает соблазн органически дедуцировать христианство из эллинизма. В этом есть своя, относительная правда — это не иллюзия, не обман зрения. Но не следует при этом забывать, что истые эллины этого сходства не замечали и не признавали, что они утверждали не-сходство, различие. Так было со времени Порфирия^{vii} и Плотина, вплоть до Ницше и до наших дней. И в этом суждении тоже есть своя правда... Есть разрыв в истории мысли. Эллинизм воцерковляется через преобразование. Эллинизм переплавляется в пламени нового опыта и веры, и стано-

вится новым. Эллинская мысль преобразилась... Мы обычно недостаточно чувствуем и сознаем всю решительность той перемены, какую произвело христианство в области мысли. Отчасти потому, что слишком часто остаемся ветхими эллинами в философии и еще не пережили огненного крещения мысли, — и всегда остается для нас опасность и соблазн обратного отпадения в философию “по стихиям мира”... Отчасти, напротив, потому, что мы слишком привыкли к новому мировоззрению и склонны считать “врожденной” или “естественной истиной” то, что в действительности было дано только через Откровение и воспринято естественным разумом “с усилием,” и часто в борьбе... Идея тварности мира, — и не только в его преходящем и тленном, “эмпирическом” или “феноменальном,” облике, но и в его идеальных первоосновах, — невероятная и нелепая с эллинской точки зрения концепция “тварных идей,” возникших и сотворенных... И связанное с этим острое чувство истории, как творческого движения от реального начала к последнему концу, — чувство так мало совместимое с архитектурным пафосом древнего эллинизма, с его испугом перед временем, все только разрушающим, с его призраком “вечного возвращения”... Видение лица в человеке, понятие личности, недоступное эллинизму, стремившемуся скорее к безличности и называвшему “лицо” “личиною”... Наконец, истина воскресения мертвых, скорее пугающая эллиниста, жившего надеждой на конечное развоплощение духа, — пугающая его, как проповедь о безвыходном плане духа в “темнице тела”... Вот новые идеи, раскрытые из нового опыта, из Откровения. И они суть предпосылки и категории новой, христианской философии... Эта новая философия *включена* в догмат... В опыте веры самый мир иначе открывается, чем в опыте “естественного человека”... Откровение есть откровение не только о Боге, но и о мире. Ибо оно есть, прежде всего, откровение о Боге, как о Творце и Вседержителе; и потому и о мире, как о создании Божиим, как о твари... И полнота Откровения — в образе Богочеловека, т.е. в *факте* неизреченного соединения Бога и человека, — в нераздельном и неслиянном соединении и единстве *навсегда*... Строго говоря, точное ведение о Боге невозможно для человека, если он неточно и неправо мыслит о мире и о себе самом. Мир есть создание Божие. Поэтому неправое понимание мироздания есть приписывание Богу творения, какого Он не создавал, — есть искаженное и искажающее суждение о Божием деле и воле... Догматическое богословие, как исповедание Божественной истины в категориях мысли, и есть начало или источник христианской философии, священной философии, философии преображенного духа... Из догматики, т.е. из конкретного опыта веры, уже ограненного безусловной логической формой, и должен исходить в своих творческих исканиях христианский философ, — а не из проблематики “естественной мысли”... В известном смысле он будет и должен быть “по ту сторону” этой “естественной” проблематики, рождающейся из ограниченного, а теперь уже и отсталого, запоздалого, видения... Но при этом он останется эллином... Он не должен и не смеет становиться архаизирующим платоником или аристотеликом... Это означало бы несправедливое раскрещивание мысли... Но и патристика, и самая догматика, есть эллинизм. Из этого преображенного эллинизма христианскому философу нет выхода...

7. Еще раз нужно напомнить: догмат предполагает опыт, догмат есть изреченное Откровение; а потому только в опыте веры или в созерцании догмат оживает и исполняется. И снова догматы не исчерпывают этот опыт — как и Откровение не исчерпывается в словах, или в “букве” Писания. Опыт и вера Церкви шире и полнее ее догматического слова. О многом и сейчас Церковь свидетельствует не в “догматах,” но в образах и “символах.” Вероятно, так и будет и до конца. В Церкви дана изначально вся полнота истины, но раскрыва-

ется или исповедуется эта полнота постепенно и отчасти, — и вообще здешнее познание “о/ичасттш,” а подлинная полнота откроется только там, в парусии... Эта догматическая “недосказанность” зависит от того, что Церковь еще “в странствии,” что еще “составляется” и возрастает Тело Христово, что еще возрастает и становится человеческий дух. Иначе сказать, еще остаются исторические задачи, еще есть чему совершиться... Однако эта недосказанность или незаконченность здешнего познания не ослабляет его подлинности, его аподиктичности, его незаменимости, — не лишает уже достигнутое познание окончательности... Нужно войти в тот новый мир, который открывается в опыте веры, через Откровение... И вход доступен только через догматику, оживающую в опыте... Но далее нужно идти самому, в подвиге и творческом созерцании...

8. Откровение хранится в Церкви. Оно дано от Бога Церкви, а не отдельным лицам, — как и в Ветхом Завете “слова Божия” были вверены не отдельным лицам, но народу Божьему (ср. Рим.3:2). Откровение дано и доступно только в Церкви, только в Церкви оно познаваемо, — то есть только через жизнь в Церкви, только через живую и действенную принадлежность к мистическому организму Тела Христова. Иначе сказать, истина Откровения раскрывается только в *кафолическом* или *соборном* сознании... “Кафолический” совсем не значит “вселенский,” *καθολικός* не совпадает с *οικουμενικός*. Кафоличность Церкви не означает еще ее внешней всемирности, — вообще это не количественный, а качественный признак. “Кафолическая Церковь” исторически может оказаться и “малым стадом” — “еретиков” может быть и больше, чем “правоверных”; и может оказаться, что именно “еретики” распространены “повсюду,” *ubique*, а истинная Церковь почти вытеснена из истории в “пустыню.” Так бывало, и так еще будет. Да, Церковь кафолична *именно по природе*; и где нет кафоличности, там умалена и повреждена жизнь Церкви. “*Кафоличность*” есть *противоположность сепаратизма*, разъединенности, разобщенности... Церковь есть кафолическая потому, что она есть Тело Христово; и в единстве этого Тела совершается онтологическое срастание личностей между собой — в единстве благодатной жизни, в единстве любви, в “союзе мира” (ср. Еф.4:3). Высшая мера кафолического единства — в том, чтобы у множества верующих было единое сердце и единая душа (ср. Деян.4:32). В кафоличности можно различать две стороны: объективную и субъективную. Объективно кафоличность Церкви означает единство Духа; и Дух Святой, как Дух мира и любви, не только воссоединяет между собой разделенных индивидов, но и в каждой отдельной душе становится источником внутреннего мира, цельности и собранности. Субъективно кафоличность Церкви означает, что Церковь есть братство или общение, “общезитие,” *κοινωνία*, — некая киновия... И в этом “общезитии” снимаются все разъединяющие и обособляющие грани; здесь замолкают и должны смолкнуть “холодные слова: мое и твое,” как выражался Златоуст... Церковь кафолична не только в целом, не только в совокупности своих членов. Она кафолична в каждой своей части, в каждом акте или событии своей жизни. Более того, Церковь кафолична в каждом своем члене. Или, иначе сказать, она слагается и состоит из кафолических членов. И самая кафоличность всецерковной жизни в целом возможна только через кафоличность отдельных верующих. Никакое множество людей, внутренне уединенных и замкнутых каждый в себе, и только извне организованных и как бы соприкасаемых друг другу, еще не есть и не может стать кафолическим целым. Соединяющая сила должна действовать изнутри. Братство слагается только из братьев. Самое соединение становится возможным только через взаимное братолюбие. Вступлению в Церковь должно предшествовать кафолическое преобразование человеческой ду-

ши, — во всяком случае, воля к такому преобращению, а исполняется оно уже в действительности общежития, — иначе сказать, отречение и отказ от замкнутости и самодовления... Однако это отречение не есть погашение личности, не есть растворение личности во множестве. Напротив, оно есть расширение личности, включение многих и “чужих я” в свое внутреннее “я,” обретение множества в самом себе... В этом и заключается подлинная тайна Церкви... “*Да вси едино будут; якоже Ты, Отче, во Мне и Аз в Тебе, да и тии в нас едино будут, — да и будут совершени во едино,*” ἵνα ὅσων τετελεωμένοι εἰς ἐν (Ин.17:21-23; ср. 11)... Вот это “исполнение единства,” по образу Троического единства, и есть кафоличность Церкви... “Троическое единство,” совершенное единство бытия и жизни в Трех Ипостасях или Лицах, нераздельное “круговращение” единой Жизни (περιχώρησις у Дамаскина), — вот внешний пример и предел кафоличности. И каждая Ипостась Троиединного Божества являет в себе *всю полноту* Божественной жизни; и являет ее “неотлично,” хотя и “особенно,” без разделения и неравенства... Древние отцы именно в Святой Троице усматривали прообраз церковного единства, — на Западе Илорий, на Востоке в особенности св. Кирилл Александрийский... В современной богословской литературе с особенной пронизательностью говорил об этой “аналогии” Троичности и Церкви митрополит Антоний (Храповицкий).^{viii} В естественном сознании понятие личности есть начало разделения и обособления. Самое резкое и непосредственное противопоставление есть здесь именно различие между “я” и “не-я.” А в Божественной Жизни нет этого расчленения на “я” и “не-я.” В Церкви по Троическому прообразу смягчается и снимается эта непроницаемость “я” и “не-я,” взаимная непроницаемость многих “я”... Есть два типа самосознания и самочувствия: индивидуалистический и кафолический... Но кафоличность не означает отказа от индивидуальности. Кафолическое сознание не есть коллективное сознание, не есть и отвлеченное универсальное сознание, Bewusstsein ueberhaupt немецкой философии. “Я” не растворяется в “мы,” не становится медиумом родового сознания. Личность исполняется в кафолическом преобращении. И получает силу и способность чувствовать и выражать сознание и жизнь целого... Даже в мирской жизни о гениальных мыслителях и художниках мы говорим, что они улавливают и выражают мысль своего времени, дух своего народа. И это их совсем не обезличивает, — напротив, требует высшего напряжения личного творчества, высшего раскрытия творческой личности. Нечто подобное, но в превосходной степени можно сказать и о Церкви. Ибо каждый верующий должен в своем самосознании вместить и выразить кафолическое сознание нового человечества, возрожденного Духом в сыновство Богу, кафолическое самосознание Церкви. Говорю: *должен*. И не говорю: *выражает*. Эмпирически не всегда выражает, и не каждый христианин выражает. Это зависит от меры духовного возраста. И о тех, кто выражает, мы говорим, что они суть отцы и учителя Церкви, ибо слышим от них не только их личное признание, но свидетельство о Церкви. Ибо говорят они из ее кафолической полноты... Однако к такой кафоличности каждый призван, каждый *может* и *должен* осуществлять в себе кафолическую меру. Кафоличность есть свойство, или стиль, или *установка* “личного” сознания, преодолевающего свою ограниченность и исключительность, возрастающего до “кафолического” уровня, — это есть идеальная мера или предел личного сознания, его τέλος, осуществляемый в становлении, а не в упразднении личности. Мера кафоличности есть мера любви, взаимности, сопризнания... Кафолическое преобразование сознания каждому даст возможность познавать не только за себя и для себя, но за всех и для всех... Кафоличность есть *конкретное единомыслие или единодушие*... И оно осуществляется только через единство в Истине, т.е. во Христе... Кафолическое сознание Церкви есть

харизматическое сознание. И только силой Духа — “Духа усыновления” (Рим.7:15), совершается преобразование естественного человеческого сознания до его кафолической меры.

9. Конкретным выражением кафолического самосознания Церкви является Священное Предание. Предание — это очень многозначное понятие — и обычно его определяют очень узко, — как *устное* предание, в отличие и в противоположность Писанию... Такое понимание не только суживает смысл Предания, оно искажает его. Это есть позднее и искусственное определение, категория схоластического богословия. Такое понимание свидетельствует об упадке и угасании подлинного церковного самочувствия... Священное Предание, как “передание истины,” *traditio veritatis*, как говорил еще св. Иреней Лионский (*Adv. haeres. I. 10. 2*), не есть историческая память, не есть только ссылка на древность или на эмпирическую неизменность. Предание есть внутренняя, харизматическая или мистическая, *память Церкви*. Это есть, прежде всего, “*единство Духа*,” — живая и непрерывная связь с таинством Пятидесятницы, с таинством Сионской горницы^{ix}. И верность преданию не есть верность старине, но живая связь с полнотой церковной жизни. Ссылка на Предание есть не столько ссылка на исторические прецеденты, сколько ссылка на “кафолическую” полноту Церкви, на полноту ее ведения. Поэтому верность Преданию не требует архаизирующего опрощения до эмпирического уровня предыдущих или первоначальных эпох, — верность апостольскому преданию совсем не означает ни неизменности апостольского быта в Церкви, ни необходимости реставрировать в Церкви порядок апостольских времен. Вообще говоря, Предание есть не только охранительный или консервативный принцип, но, прежде всего, начало жизни, возрастания, обновления... И апостольское время есть не столько внешний пример для подражания, сколько вечно обновляющийся источник благодатной жизни... Христианское вероучение имеет не только исторические источники, но, прежде всего, мистический и харизматический источник, — в опыте веры, в опыте таинств. Христос явлен в Церкви не только исторически, даже не только в Евангелии. Он неизменно и непрестанно открывается в Церкви. Он живет в Церкви. Или, вернее, Церковь живет и жива в Нем... Нужно твердо помнить: внешнему историческому свидетельству мы противопоставляем здесь не субъективный религиозный опыт, не уединенное мистическое созерцание, но целостный и живой опыт и жизнь Церкви, не опыт отдельных верующих. И этот опыт включает в себя историческую память, — но не столько в порядке исторического припоминания или воспоминания о чем-то бывшем и прошедшем, сколько в порядке неизменного видения сущего и совершившегося, — в кафолической целостности времени. В ней нет рокового забывания. В памяти Церкви интегрируется ее благодатный опыт. Эта память и есть Предание, Священное Предание Церкви... Живым носителем и хранителем Предания является вся Церковь в ее кафолической полноте; и нужно пребывать или жить в Церкви, в ее полноте, чтобы разуметь Предание, чтобы владеть им. Это и значит, что носителем и хранителем Предания является весь народ церковный, по выражению известного “Послания восточных патриархов” 1848 г.^x Народ, т.е. вся Церковь, — Церковь как кафолическое тело... Подобным образом и митр<ополит> Филарет в своем Катехизисе на вопрос: “есть ли верное хранилище Священного Предания?” отвечает так: “Все *истинно верующие*, соединенные Священным Преданием веры *совокупно и преемственно* по устройению Божию, составляют из себя Церковь, которая и есть верное хранилище Священного Предания”... Это значит, что Предание есть благодатный опыт или самосознание Церкви... Нужно подчеркнуть: православное убеждение, что хра-

нителем Предания является *весь народ* церковный, все Тело Церкви, ни в какой мере не ограничивает учительской власти и полномочий иерархии. Иерархия имеет власть учительства, *potestas magisterii*, — но эта власть принадлежит ей как функция католической полноты Церкви. Власть учить есть власть свидетельствовать, — власть и право выражать или формулировать опыт и веру Церкви, живущую и хранимую во всем ее католическом теле. Иерархия в своем учительстве есть как бы уста Церкви. Это не значит, что иерархия получает и имеет свои учительские полномочия от церковного народа, — она имеет их от Духа Святого, от Пастыреначальника Христа в таинстве священства. Но иерархия ограничена в своем учительстве опытом Церкви. Она призвана его свидетельствовать и его выражать. И этот опыт есть неиссякаемое вдохновение Духа. Учительская власть принадлежит иерархии постольку, поскольку она является живым органом и средоточием, поскольку *episcopus in ecclesia*^{XI}... Но иерархия не есть самостоятельное и самодовлеющее “учащее тело” в Церкви: Церковь, т.е. каждая отдельная церковная община, отдельная клетка всецелого и великого Тела Церкви, только в епископе имеет свое нормальное и целостное средоточие, — как бы содержится в епископе, *ecclesia in episcopo*. И только епископу дано полномочие и право говорить от лица своей паствы. Она имеет право слова только через епископа и в епископе. Но для этого и епископ должен содержать в себе свою Церковь, должен свидетельствовать и проявлять ее опыт и веру, а не свои богословские мнения, — должен говорить не от себя, но из церковной полноты, не от своего лица, а от лица Церкви. Как раз обратное ватиканской идее: не *ex sese*, но именно *ex consensu ecclesiae*... И потому церковному народу принадлежит право и даже обязанность поверять веру епископа, принадлежит право догматического неповиновения и протеста, — конечно, опять-таки из католической полноты... Не от своей паствы и не от народа епископ имеет полномочие учить, но от самого Христа, через апостольское преемство, но это полномочие есть власть свидетельствовать и изречать опыт всего церковного народа... Строго говоря, никто не сомневается, что учительная власть в раскрытии веры ограничена или связана общим согласием Церкви. То есть иными словами, только то и может быть исповедуемо и провозглашаемо, как истина веры, *credendum de fide*, что действительно содержится и в известном смысле всегда содержалось всей Церковью. Исторические и эмпирические пути и приемы опознания Священного и благодатного Предания очень многообразны, — выбор между ними в разные эпохи церковной жизни определяется внутренним и благодатным самочувствием Церкви. Но всегда они предполагают жизнь в Церкви, единение с ее католической полнотой, интимное обладание ее опытом, католическую зрелость духа, — *жизнь в Предании*... Отшельник в пустыне может оказаться католическое “многолюдное собрание епископов”... Может случиться, что католическое предание Церкви прозвучит в одиноком протесте, а эмпирическое множество соблазнится нововводными учениями... Не следует преувеличивать и значение народной “рецепции,” как эмпирического средства распознавать истину. Во всяком случае, эта “рецепция” есть очень сложный акт и процесс. Она совершается не сразу, иногда приходилось ждать довольно долго, — но разве в эти периоды ожидания нельзя было распознать истину изнутри, из католической полноты, погружаясь в нее через подвиг благодатного вникания... И нужно еще определить, о каком “народе” идет речь. Ведь и народ церковный в своем эмпирическом многолюдстве подвержен соблазнам, может погрешать и отпадать, может впадать в страсть и в мятеж... Решает вопрос, во всяком случае, не простое эмпирическое большинство... Все это значит, что нет безошибочных и формальных эмпирических критериев. Есть только один крите-

рий: католическая полнота Церкви, веяние Духа, пребывающего в Церкви... В эту полноту нужно вращаться, в ней жить, о ней и из нее свидетельствовать...

10. В католическом опыте Церкви разрешается болезненная поляризация или раздвоенность “естественного сознания” между свободой и авторитетом. В Церкви нет внешнего авторитета, который импонировал бы верующим как чистое начало власти. Власть может организовать порядок, может принудить к покорности и повиновению. Но ведь формальное повиновение еще не обеспечивает действительного единодушия и единомыслия. Власть не может одним принуждением создать очевидность. Власть не может быть источником духовной жизни... Но отсутствие авторитета вовсе не означает неограниченной свободы или произвола частных мнений, — не означает права на произвол. Именно “частных мнений” в Церкви не должно и не может быть... Перед верующим, как членом Церкви, стоит двоякая задача. Во-первых, он должен преодолевать свою субъективность, освобождаться от своей психологической ограниченности, возводить свою мысль до ее католической меры. И это католическое вырастание выводит личность из ее уединения, выводит ее из неприменных противоречий с окружающей средой и с историей. Нужно всегда помнить и чувствовать, что Христос приходил не к отдельным людям, не к рассеянным овцам стада, и приходил не только затем, чтобы разрешить личную судьбу каждого. Во Христе мы видим и узнаем Спасителя рода человеческого. И именно в Церкви, как в “Новом народе,” как в Новом человечестве, как в “роде христианском,” осуществляется Его спасительная воля, совершается и исполняется Его дело. В Церкви — то есть в истории, в смене христианских поколений... Это не легкая задача. История Церкви трагична, — история не только возрастания, но и история отступничества и отпадения. Истина постигается в трудах и борьбе. Преодоление субъективности и разделения дается нелегко... Но ведь нужно искать верного, а не легкого пути... Основной предпосылкой христианской веры должно быть смирение перед Богом и принятие Его воли. И Бог открылся и открывается в Церкви. Церковь, Тело Христово, есть последнее и непреходящее Откровение Божье. Христос открывается нам не в одиночестве. Он открывается нам, как Новый Адам, как Глава нового рода, как Глава Церкви. И потому со смирением должны мы входить в жизнь Церкви, — со смирением и доверием. И в ней искать себя... Мы должны веровать, что в ней именно открывается полнота Христова... Всякое дело общения и единства есть путь к осуществлению католической полноты — в нас самих и в мире. Об этом благоволит Бог. *“Где два или три собраны во имя Мое, там и Я посреди их”* (Мф.18:19-20)...

Весна 1931 г.

Промысел Святого Духа в Богооткровении.

(Выступление почетного профессора Г. Флоровского
на Шестой англо-русской студенческой конференции)

“Иисус Христос вчера и сегодня и во веки веков Тот же” (Евр.13:8).

Первые определения всегда являются наиболее сложными. В этом случае нам не на что ссылаться, а также не из чего выводить умозаключения. Мы должны не доказывать, но демонстрировать, мы должны смотреть и видеть.

Только сейчас я пришел к глубокому осознанию того, как трудно говорить об основных принципах.

Откровение есть нечто исконное, изначальный дар Христианства, христианской жизни и веры: “А нам Бог открыл это Духом Своим; ибо Дух все проникает, и глубины Божий” (1Кор.2:10-11). И снова: “...и никто не может назвать Иисуса Господом, как только Духом Святым” (1Кор.12:3).

В нашей обычной концепции Откровения присутствует определенная двойственность, даже можно сказать, двусмысленность. Поэтому первое, что нам нужно сделать, это узнать, в чем состоит эта двойственность и как нам избавиться от нее. В определенном смысле весь мир является Откровением Бога. Создание мира — это Откровение, “явление Бога” в “воспринимаемых образах.” Весь мир свидетельствует о Боге, о Его Мудрости, Милосердии и Любви. Обычно это называют: “Откровение через Природу.” Это Откровение в *материи*; это, если можно так сказать, эволюция, имманентная самой природе и сути вещей; эволюция, которая запечатлена и укоренена в вещах. Кроме того, эволюция присуща самой природе человека; человека, который был создан по образу и подобию Божию. Это “Закон Бога,” “записанный в сердцах людей” (Рим.2:15).

Однако, строго говоря, это не является Откровением в прямом смысле слова. Здесь лучше говорить не об *Откровении*, но *Манифестации* Господа. В Природе, видимой и невидимой, Бог проявляет себя, но не открывает. В Природе и в человеческой душе мы обнаруживаем лишь “некоторые следы Бога,” “*vestigia Dei naturalia*.” Но до сих пор это не было Богоявлением. Это просто свидетельство *Господа*, благодаря которому человеческий разум может вывести или предположить существование Бога, может осознать Господа в Его делах. Это приводит к поиску Бога, к религиозному стремлению и нуждам, все еще смутным и неясным: “Дабы они искали Бога. Не оцуют ли Его, и не найдут ли, хотя Он и не далеко от каждого из нас” (Деян.17:27). Но это еще не является ни знанием Бога, ни видением Его. Строго говоря, Откровение — это не суть религиозной жизни. Более того, мы имеем право сказать, что Откровение — это не религия, это больше, чем религия, это нечто другое, совсем *отличное от религии*. Это не явление Бога в Его творении в существах, созданных Им, но прямое *видение* Бога, дарованное человеку. Бог проявляется всегда и во всем. Здесь мы сталкиваемся с непосредственной непрерывностью Божественной Вездесущности Его, “Кто всемогущ и вездесущ.”

Но не везде и не каждому даровано это *видение* Бога. В богоявлении нет непрерывности. Здесь мы сталкиваемся с прерывистым потоком естественного устройства мира, хотя и он установлен Божественным велением и Провидением, Провидением Всемогущего Создателя. Эта область “сверхъестественного” есть Откровение Господне и истинная суть мира. В “обожествлении Природы” человек узнает Бога: жаждет и достигает Его, поскольку “Он близок к каждому из нас.” Однако это лишь *путь человека к Богу*. Это явление сверхъестественное, новое и отличное от всего, нечто большее, нежели та сила движения и жизни, которая была вложена во все создания предвечным творением: “*Fiat*.”

Иными словами, Бог проявлен в природе как Творец жизненной силы, дающий жизнь и существование. Но в сверхъестественном, в том, что находится за пределами естества, Бог в своей запредельности является как Сказавший: “Бог, многократно и многообразно говоривший издревле отцам в пророках, в последние дни сии говорил нам в Сыне” (Евр.1:1-2). Бог явил Себя в *Слове* и только Слово Бога есть Откровение в прямом и точном смысле. Откровение есть Божественный Голос, Голос Бога, говорящего с человеком. Человек слышит этот Голос, внемлет ему, принимает его и понимает Божественное Слово,

поскольку Бог говорит так, чтобы человек услышал Его. Бог создал человека по своему образу и подобию, с тем чтобы человек слушал Его голос и Слово, внимал им и, более того, лелеял и хранил их. Когда мы говорим об Откровении, мы имеем в виду Слово Божие, *услышанное* нами. Некоторые слышали его прямо, без посредников; это были великие посвященные и пророки. Другие слышали о нем от тех, кого Господь и сила Св. Духа сподобили повторить то, что они видели и слышали сами. Святые писания — это письменное свидетельство Откровения, услышанного ими. Именно Господь дал им силу через изливание Св. Духа услышать и записать Его слова. Святое таинство божественного вдохновения не может быть измерено нами в полной мере. Мы не можем полностью понять, каким образом “божьи люди” слышали Слово Бога и как они воспроизвели его на своих языках. Но даже в их передаче это был Голос Господа, Голос Св. Духа, который был услышан, и не было в нем слабого человеческого голоса, голоса плоти и крови. В этом заключается чудо и таинство Библии: это было Слово Бога, Слово Духа, который “вещал через пророков,” и все же, это было Слово Духа на *человеческом языке*. И каким бы образом мы ни понимали Божественное Вдохновение Писания, важным является то, что Писания передают и сохраняют для нас Божественный голос на языке человеческом. Писания передают и сохраняют для нас Божественное Слово так, как оно было услышано, как оно прозвучало в отзывчивой человеческой душе. Таинство Божественного вдохновения заключается не только в том, что Бог говорил с человеком, но и в том, что человек слушал Бога и внял Ему. Бог снисходит к человеку, являет ему Свой Лик, говорит с ним. А человек видит Бога, теряет себя в этом видении и описывает то, что он видел и слышал, свидетельствуя о том, что открылось ему. В этом заключается значение Божественных видений и Откровений Ветхого Завета. В них мы видим некоторый существенный антропоморфизм, но не столько по причине несовершенного человеческого понимания или из-за чувства “приспособления,” сколько благодаря предчувствию грядущего Пришествия. Уже в Ветхом Завете Божественное Слово становится человеческим, выраженным человеческим языком. Существует еще один важный момент: если мы хотим, чтобы Божественное Слово звучало ясно, человеческий язык не должен терять его естественных качеств. Он должен оставаться человеческим. Человеческое не подавляется и не сметается Божественным вдохновением; оно лишь преобразуется. Сверхъестественное не противоречит естественному. Господь предпочитает говорить человеческим языком именно потому, что через Божественное Откровение, через дыхание Духа вездесущности и мудрости должно быть завершено человеческое естество. Человеческий язык не преуменьшает абсолютности Откровения, он не ограничивает силу Слова Божия. Слово Божие может быть точно выражено языком человека, который создан по образу и подобию Божию, по образу Слова Божьего, как учили некоторые Отцы Церкви. Слово Божие не может быть омрачено тем, что оно звучит и произносится человеческим языком. Напротив, человеческое слово преобразуется, поскольку Бог снизошел до человеческого слова. Божественный Дух проникает в человеческую речь, в человеческие слова. И поэтому человеческий язык приобретает силу и твердость. Человек приобретает возможность говорить о Боге. Богословие становится возможным. Строго говоря, богословие становится возможным только через Откровение. Это ответ человека Господу, говорившему с ним, Господа, чей голос он услышал и запомнил, и чьи слова он сохранил и повторял. Так называемое “естественное богословие” не является богословием в истинном смысле слова. Это скорее, философия, слово о “Неведомом Боге,” к которому стремится мятежная человеческая душа, но которого она еще не нашла; часто она сбивается с пути в поисках. Это “слово о Боге, который еще не проявил себя,” о

ком человек пока не может ничего сказать, если только душа его не томится по Нему и не жаждет Его, как жаждет сердце животворного источника. И только через Откровение становится возможным истинное богоявление. Впервые истинная молитва выливается в слова свидетельства, слова восхищения, благодарения, прошения в ответ на Откровение. И снова это ответ Божьему Слову.

В Священном Писании нас прежде всего поражает сокровенность отношения Бога к человеку и человека к Богу. В Писании мы видим не только Бога, но и человека. Это Откровение Божие, но это также и откровение, затрагивающее человека. Господь являет себя человеку, *появляется* перед ним, становится видимым ему, говорит с ним для того, чтобы открыть человеку тайный смысл его существования, показать ему путь и цель человеческой жизни. В Писании мы видим Бога, открывающего себя человеку, и мы видим человека, встречающего Господа, не только внимающего Его словам, но и отвечающего им. В Писании мы не только слышим голос Божий, но также и голос человека, отвечающего ему — словами молитвы, благодарения, восхищения, печали и истинного раскаяния. Бог хочет и ожидает, и требует этого ответа. Именно для этого Он говорит с человеком. Он ожидает, что человек ответит Ему. Он ждет, чтобы человек заговорил с Ним. И Он дает завет человеку.

Откровение — это история этого завета. Записанное Откровение — Священное Писание — это, прежде всего, история. Закон и Пророки, псалмы и пророчества включены и вплетены в живую историческую сеть. Писание есть история, история мира, созданного Богом, и история человека, призванного быть священником, пророком и царем мира сего. Писание начинается с создания мира и достигает кануна нового создания: “*Се, творю все новое*” (Откр.21:5). Между этими двумя крайними точками, то есть первым созидующим “Да будет” и позднейшим пророчеством, живая сеть Священного Писания динамически разворачивается. Откровение есть не только система божественных *слов*, но и, помимо всего, система *Промысла* Божьего. В этом заключается причина насыщенности времени в Священном Писании. Мы могли бы сказать, что Откровение было путем Бога в истории. И кульминация наступает, когда Господь входит в историю навсегда; когда Слово воплощено, когда явлен Богочеловек.

Откровение есть также книга человеческой судьбы. Прежде всего, это книга, повествующая о падении и спасении человека. Она рассказывает о первозданном рае, об изгнании Адама из него вследствие его греха, о первом обещании спасения в так называемом “первом Евангелии” (Исх.3:15). Она говорит о пути падшего человека на земле, о новых обещаниях и, наконец, об “избранном отце всех верующих,” Аврааме, и о договоре, заключенном с ним. Именно отсюда начинается Ветхий Завет. Ветхий Завет — это священная история Израиля, история этого уникального, избранного Богом народа, с которым Он заключил Свое соглашение. Здесь наиболее важным является сам факт избрания; выделение Израиля, отличие его от других народов. Израиль является благоприемлющим священным оазисом в истории падшего человечества. Лишь с одним единственным народом на земле Господь заключил соглашение и дал этому народу Свой собственный закон, начертанный Им на каменных скрижалях. Господь установил среди этого народа истинное, хотя и временное, священство. Он взрастил в этом народе пророков, которые пророчествовали, вдохновленные Духом Божиим. До Христа лишь в Израиле существовало истинное священство, а не только идолопоклонничество. Поэтому только там исполнялась Божественная служба. Только там приносились жертвоприношения, угодные Господу. Только там существовал истинный храм Божий, единственный в своем роде. Это был священный

центр для всего мира — оазис, дарованный милостью Божией посреди грешного неискупленного мира. Именно отсюда начинается освящение, “*облако наполнило Дом Господа*” (3Цар.8:10). Это избрание и выделение Израиля легко понимается и объясняется с исторической точки зрения исторической миссией Израиля. Израиль является первым плодом человечества. Его историческая миссия ведет к рождению посреди него мирового Спасителя. Там должен был осуществиться последний этап окончательного Божественного Откровения, воплощение Слова. Именно поэтому законы горы Синай были дарованы этому народу; поэтому говорили Пророки. Священное значение Ветхого Завета заключается в том, что он является историей предков нашего Спасителя, и поэтому именно с упоминания их имен начинается Евангелие “*Родословие Иисуса Христа, Сына Давидова, Сына Авраамова*” (Мф.1:1). “*Ибо спасение от Иудеев*” (Ин.4:22). Ветхий Завет — это период мессианского ожидания, время договоров и пророчеств. Не только пророки пророчествуют, события также становятся пророчествами. Ветхозаветная история в целом является предвосхищенным образом, историческим символом, взглядом в сторону грядущих событий. Св. Августин сказал: “Новый Завет содержится внутри Ветхого, а Ветхий Завет проявлен в Новом.” *In Vetere Testamento Novum patet, in Nova Testamento Vetus patet*; и мессианское напряженное ожидание достигает своей кульминации в появлении Богочеловека: “*Но когда пришла полнота времени, Бог послал Сына Своего (Единородного), Который родился от жены*” (Гал.4:4). Время ожидания прошло; обещание было выполнено; Господь пришел. Он пришел, чтобы остаться с теми, кто верит в Него: “*Во все дни до скончания века*” (Мф.28:20). Ветхозаветная история заканчивается — история плоти и крови. Начинается история Духа — царствие истины и благодати открыто (Ин.1:17). И все же закон не уничтожен, но выполнен (Мф.5:17), и пророчества были выполнены, а не оказались тщетными. Ветхий Завет был исполнен, проявлен и завершен в Новом Завете, *in Novo patet*. Поэтому священные книги евреев до сих пор являются сакральными для христиан. Не только потому, что *когда-то*, давным-давно, Господь разговаривал с Израилем, но и потому, что *и сегодня* Слово Божие звучит в Библии, потому, что *и поныне* Откровение Господне нисходит на нас через эту вечно живую Книгу. Это то, в чем заключается тайна Библии; это тайна вдохновенного, преображающего Слова. Все это не означает, однако, что Библия используется Церковью как *книга притч*, как сборник исторических эпизодов или как коллекция теологических текстов (*Loci theologici*). Нет, Библия остается историей, но *историей священной*, сохраняющей всю свою силу. Закон уже остается в стороне и подменяется чем-то более высоким. Храм находится теперь не в Иерусалиме, и Дом Израилев опустел (Лк.13:35). Пророчество сбылось.

Однако в *Священной Истории* события не просто происходят и растворяются в прошлом, они становятся *исполненными* и *завершенными*. Прошлое не означает просто “*то, что было и прошло,*” но прежде всего это то, что было *исполнено*. Исполнение является главной сутью Откровения. То, что стало сакральным, остается святым неизменно и навсегда. Оно несет на себе печать, знак и благословение Св. Духа. Поскольку даже поныне Дух пребывает в словах, когда-то Им вдохновенных. Ветхий Завет, прежде всего, это *книга* для нас. Новый Завет — это более, чем книга. В Старом Завете мы познаем смысл Откровения как *Слова*. Поэтому мы свидетельствуем Духу “*говоривший издревле Отцам в Пророках*” (Евр.1:2). В Новом Завете Бог говорил с нами через Сына и мы обязаны не только слышать, но и видеть.

Мы признаем, что Ветхий Завет — сложная книга. И со временем она не становится понятнее. Пожалуй, даже наоборот, нам даже труднее читать ее, чем нашим предкам.

Сейчас не время и не место ставить и обсуждать вопрос по поводу “исторической подлинности” Ветхого Завета. Сейчас не время разбирать сложную проблему так называемой “высшей критики.” Это бы заняло слишком много времени в этой работе. Но все эти критические исследования не касаются основного принципа Откровения, не отклоняются от его божественного вдохновения. Научная критика не может доказать священной ценности Библии и не может ее опровергнуть. Божественное вдохновение предполагает определенный разрыв в естественном ходе вещей. Оно не относится к категории автономной науки. Человеческий ум, предоставленный самому себе, не может воспринять вдохновение. Божественное вдохновение предполагает именно *разрыв* в естественном порядке вещей... Мы должны обладать особым видением, чтобы распознать его. Это неверное утверждение, что вера и разум не могут быть объединены и что разум не знает никаких религиозных истин и постулатов, что религиозная истина, истина Откровения, не обязательна и не убедительна для разума. Напротив! Но для того, чтобы достигнуть этого, сам разум должен быть трансформирован... Из двухмерного мира мы должны переместиться в трехмерный: мы должны чувствовать глубину. В этом заключается ядро *теологического* вопроса о “высшей критике.” Для того чтобы почувствовать дыхание Духа в Священном Писании, мы должны “стремиться к Духу,” мы должны обладать духовной интуицией и прозрением. Мы должны научиться различать “*profanum et sacrum*”^{xii}, нам нужно знать и чувствовать, *что* есть долнее и *что* есть горнее; мы должны признать, что горнее *существует* отдельно от долнего. И это преображение нашего сознания может исполниться только в Церкви, в ее духовной харизматической завершенности. Откровение было даровано Церкви, не индивидуумам, а божьим *людям* (Рим.3:2). Только Церковь удостоилась Откровения, и лишь в Церкви оно доступно для нас, то есть оно доступно только в *полноте* духовной жизни. Вне Церкви, для посторонних, оно становится неясным, неубедительным. Эта неясность является низшей стороной нашего невнимания и отсутствия интуиции.

Вершиной Откровения является Евангелие, поскольку Христос есть полнота Откровения. Новый Завет — это также прежде всего история — евангельская история воплощенного Слова и начало истории Церкви, которая сейчас приближается к своему апокалиптическому завершению. Основа Нового Завета — это факты, события, реалии; не только заповеди, учение и слова. Основа здесь — это Христос и Его Тело, Церковь “*полнота Наполняющего все во всем*” (Еф.1:23). Евангелие — это история. *Исторические события* являются предметом и источником христианской веры и христианской надежды. С самого начала, с самого дня Пятидесятницы, когда апостол Петр как *свидетель* (Деян.2:32), “*чему все мы свидетели,*” *свидетельство-вал* осуществлению спасения, апостольская проповедь носила исторический характер. Но это опять же *Священная История*. Апостолы всегда говорят о конкретных исторических фактах и событиях. Они живо демонстрируют своим слушателям *образ Христа*. Они позволяют ему жить заново, и показывают, Кем Он был. Уникальность, чудо этой исторической фигуры заключается в том факте, что Он, Кто стал видимым, Кого мы видели, был Сын Божий, Спаситель мира. Поэтому человеческие ограничения, принадлежащие двухмерному миру, не могут ограничить этот Образ. Он превосходит их; и в исторических рамках мы видим то, что превосходит историю, что является неземным. Но рамки не уничтожаются, не стираются; в священном Образе проступают все же исторические черты. В этом заключается значение и важность апостольской проповеди, *это рассказ*, рассказ о том, что апостолы сами видели и слышали, то, что было осуществлено и завершено, *hic et nunc*^{xiii}. “*О том, что мы слышали, что видели своими очами, что рассматривали, и что осязали руки наши*” (1Ин.1:1).

Однако то, что случилось, было неслыханно: *“Слово стало плотью”* (Ин.1:14). Поэтому этот рассказ — не просто рассказ; он повествует не просто о чем-то, что произошло, но о том, что было осознано и завершено. Посредством исторического видения мы можем различить то, что видимо только глазам верующих, то, что видели и осознали лишь немногие в течение жизни Спасителя; то, что даже апостолы видели и полностью осознали лишь позже, после Его Воскресения, когда Он открыл им то, что они могли воспринять как *“тайны Его Царства”* (Лк.24:45). Евангелие — это повествование и образ, однако же, это повествование о Богочеловеке. И, поскольку это повествование и историческое свидетельство, в нем существует определенный потенциал. Диапазон веры — это более чем воспоминание. Вера растет через творческое осознание того, что было увидено и услышано в союзе со Христом. Евангелия дают нам уникальный интегральный образ, образ как Божественный, так и человеческий, образ Бога, ставшего человеком. Для тех, кто не обладает достаточно тонким восприятием, этот образ часто видится двумя различными образами. Так, как это было с теми, кто видел Его во плоти, поскольку их сердца не были просветлены верой. Евангелисты и апостолы не были хроникерами. Их миссия не заключалась в пересказе всего того, что было совершено Иисусом, день за днем, год за годом. Они описали Его образ и Его дела, чтобы донести до нас Его образ; исторический, и все же Божественный образ. Евангелия можно было бы назвать *“исторической иконой,”* иконой в словах, не в линиях и красках, но все же с изображением Его лица. Или, если быть более точным, Евангелия — это не одна, но четыре иконы, четырехстворный складень Богочеловека. И эта икона была написана силой Святого Духа. Евангелия — это записи апостольской *“доброй вести”* и апостольская проповедь продолжилась не *“в убедительных словах человеческой мудрости, но в явлении духа и силы”* (1Кор.2:4). В многочисленных отдельных воспоминаниях фигура Иисуса становится живой, и восприимчивое сердце распознает в Иисусе из Назарета, распятом и воскресшем, Спасителя мира и Богочеловека. Земной план Евангелия всегда мистически прозрачен, но благодаря историческому свидетельству мы видим сверкание Божественной реальности. В действительности не все это видят, точно так же, как не все видели это тогда; и не *“плоть и кровь, но Отец наш Небесный открыл, что Он был Сын Бога Живого”* (Мф.16:16-17). В мистическом смещении двойных черт лицо Богочеловека было изображено, увидено и распознано. Потому что именно так это было описано евангелистами. Весь Новый Завет дышит историческим завершением того, что было, и что было завершено. Однако оно не является исторически изолированным потоком земных событий, *“естественных событий.”* Описание того, что произошло, является реалистическим описанием. Это было, это случилось, это столкновение неба и земли, Бога и Человека. Встреча и союз (*“И Слово стало плотью,”* Ин.1:14). *“И никто не может назвать Иисуса Господом, как только Духом Святым”* (1Кор.12:3). Это означает, что Откровение становится ясно нам во всей своей полноте только в духовном переживании. Посему Утешитель, Дух Истины был ниспослан нам, чтобы *“наставить на всякую истину”* (Ин.1:14). *“И никто не может назвать Иисуса Господом, как только Духом Святым”* (1Кор.12:3). Это означает, что мы слышим Откровение только при помощи Духовного переживания. Поэтому Утешитель, Дух Истины, был ниспослан нам с тем, чтобы Он *“наставил нас на всякую истину”* (Ин.16:13); с тем чтобы Он *“напомнил вам все, что Я говорил вам”* (Ин.14:26). И по сей день *“самое сие помазание учит вас всему”* (1Ин.11:27). Евангелия написаны внутри Церкви. Они суть записи апостольской Доброй Вести, апостольской проповеди, и сила этой проповеди построила Церковь: *“поэтому идите и учитесь.”* Евангелия — это записи церковного опыта и веры, записи того, что види-

мо через опыт Церкви. Это Живой Образ Христа, который Церковь созерцала с самого начала; и только внутри Церкви этот образ всецело и полностью может быть воспринят. Св. Афанасий Великий говорит: “Это непосредственная и живая встреча с Христом в котором все верующие объединяются в таинстве святого Крещения; мы удовлетворены Духом; мы пьем Христа.”

Божественное Откровение сохраняется Церковью. Оно сохраняется и усиливается словами Писания; оно сохраняется, но не истощается. Слова Писания не умаляют полноты Откровения, так же как они не умаляют полноты христианского опыта и харизматического воспоминания Церкви. Опыт Церкви шире, чем ее прямое свидетельство. Поэтому пребывающие в Церкви знают бесконечно больше и совсем по-другому, чем те, кто находится вне ее. Для находящихся в Церкви свидетельство Духа проясняет Писание. Это свидетельство еще раз оживает в их личном опыте. Именно поэтому мы не должны говорить о “самодостаточном” качестве Писания, поскольку Писание не только сохраняется силой человеческой памяти, оно также защищено силой Милости в харизматической жизни Церкви. В Церкви Откровение становится внутренним духовным опытом. Церковь сама является Откровением. Начиная со дня Пятидесятницы, когда Св. Дух *вошел* в мир, чтобы *пребывать* в нем, Откровение стало непрерывным. Пламенное крещение созданного мира было завершено. Оно было представлено двенадцатью апостолами и теми, кто были вместе с ними как избранный первый плод (Мф.3:2). Во всяком случае, Писания должны быть истолкованы и объяснены. И лишь то объяснение будет истинным, которое будет проистекать из реалий, имеющих в Писаниях. Это должно быть не внешним, но внутренним объяснением, вырастающим из глубины духовного опыта. И здесь мы не столько говорим о личной духовной интуиции тех, кто объясняет, сколько прежде всего о живой полноте духовного опыта самой Церкви. Потому что в этом опыте Писания оживляются тем же самым Духом, который когда-то вдохновил их. Когда Церковь истолковывает Писание, она свидетельствует *тому*, о чем свидетельствуют сами Писания. Однако часто используются новые слова. Откровение рождается в тишине веры, в тишине размышления — в этом молчании начинается богословие. В этой восприимчивой тишине размышления дана и содержится вся полнота Истины. Но *Истина должна быть выражена и провозглашена*, потому что человек призван не только внимательно воспринимать истину, но также свидетельствовать о ней. Молчаливый мистицизм не исчерпывает всего призвания человека. Он призван к творческой активности, и более всего, к построению самого себя. Божественное Слово должно стать очевидным в реальности человеческой мысли; Божественное Слово должно давать рождение человеческой мысли. Это созидательный или позитивный момент познания Бога. Божественная реальность, открытая в опыте Церкви, может быть описана разными способами. Например, в образах и символах, в религиозной поэзии и в религиозном искусстве, — таким был язык пророков Ветхого Завета; так же часто говорили евангелисты; так же проповедовали апостолы, и так же Церковь проповедует в своих песнопениях и гимнах во время своей Божественной Службы, в символическом значении церковных ритуалов. Это язык проповеди или свидетельствования, это язык *харизматического богословия*. Божественная реальность может также быть описана концепциями ума, путем исследования. Это язык догмата, *догматического богословия*. “Проповедование и Догмат” — это два способа, которыми Церковь свидетельствует об Истине, о том внутреннем Откровении, которое продолжает жить в Церкви при помощи силы Духа, живущего в ней (св. Василий Великий о Св. Духе). Это Откровение, углубляющееся и перерастающее в “Знание Истины,” является жизнью Церкви: “*Доколе все придем в единство ве-*

ры и познания Сына Божия, в мужа совершенного, в меру полного возраста Христова” (Еф.4:13).

Догмат является *мыслью, свидетельствованием* Откровению, тому, что оно виделось, тому, что было открыто, тому видимому и обдуманному в опыте Вселенской Церкви. И это свидетельство выражено в определениях и концепциях. Догмат является выражением опыта, “*ментальным видением,*” истинным размышлением. Мы можем назвать его “логическим образом,” “логической иконой,” Божественной реальностью. В то же время догмат является *определением*. Поэтому как логическая форма догмата, это “внутреннее слово,” которое зафиксировано и определено путем внешнего выражения, так и внешний выбор слов, важны для догмата.

Догмат не является новым Откровением; догмат — это *всего лишь свидетельство,* свидетельство ума, которое достойно пережитого и опознанного Божественного Откровения, Откровения, дарованного и открытого в харизматическом опыте веры о тайнах вечной жизни, так, как они были показаны Св. Духом. Весь догмат открывается посредством опыта, в истинном контакте с “*вещами невидимыми*” (Евр.11:1).

Это источник решающего догматического авторитета и неизменности Истины, открытой и сохраненной с самого начала. Догматы не развиваются и не изменяются. Они неизменны, даже во внешнем выборе слов. Это может звучать парадоксально, но все же будет верным сказать, что догматы могут возникать, обосновываться и выражаться, но они не могут развиваться. Раз установленный догмат является вечным, нерушимым “правилом веры” и мерой ее. Конечно, это не означает, что что-то новое, какая-то “новая истина” начинает открываться, это в действительности означает, что подобная истина начинает *выражаться и оглашаться*. В своем догматическом свидетельствовании Церковь *выражает и оглашает* истины, сохраненные ею. Ее цель — это найти *точные* слова, которые наиболее точно отразят опыт Церкви. Эти слова должны быть в состоянии передать “видение ума,” которое открывается духу верующего в опыте и размышлении. Существует преддогматический период церковного сознания, когда избранный язык является языком образов и символов. Однако затем приходит время для догматического свидетельства. Потому что истина веры является в то же время рациональной истиной, и мысль должна войти в “царство истины.” В этом процессе мысль становится творчески преображенной, — сама сфера мысли преображается, освящается и обновляется. Когда Божественная Истина оглашена и выражена на человеческом языке, сами слова преображаются, и тот факт, что Истины и Откровения воплощены в логических образах и концепциях, свидетельствует о преображении слова и мысли: *слова становятся освященными*. Слова догматических определений, часто заимствованные из обычного философского словаря, более не являются простыми, обычными словами, которые могли бы быть и могут быть заменены на другие. Нет, они возникли для того, чтобы быть *вечными, неизменными словами*. Это означает, что в адекватном выражении Божественной Истины определенные слова, т.е. *определенные концепции и идеи*, а также *определенный образ мысли*, были обоснованы и увековечены. Это означает, что идет поиск вечных и абсолютных идей, поэтому Истина Откровения может быть выражена, и фактически адекватно выражается ими. Эта Истина Откровения определена, была дарована, а не только постулирована. Это не только предмет поиска, но нечто данное. Однако сколь бы ни было несоизмеримо наше “частное” знание, все же как обещанное знание, т.е. лицом к лицу, оно теперь, как и всегда, полно и совершенно. Истина открывается во Вселенском опыте и выражается в догматических определениях. Догматы Отцов *повторяют* в категориях мысли неизменяемое содержание “Апостоль-

ской проповеди,” они выражают “логическим словом догматы, которые когда-то были переданы простыми словами рыбаков, которые были наделены мудростью, силою Духа.”

Силою Духа. В догматических определениях Церкви мы снова чувствуем жизнь, дарующую силу Духа Истины, Духа Мудрости. Догматы произносятся не произвольным желанием человека, но вдохновением Духа. Обычно так происходило во время Вселенских Соборов, но также иногда и посредством молчаливого восприятия “*ecclesiae sparsae*”^{xiv}.

И снова: Догматы не исчерпывают церковного опыта; так же как Откровение не исчерпывается словами или “буквой” Писания. В догматических определениях Истина опыта всего лишь определена и утверждена, но не исчерпана. Опыт и вера Церкви полнее и шире, чем ее догматические слова. Существует многое, чему Церковь является свидетелем до настоящего дня в своих образах, символах и уподоблениях, в символическом богословии... Возможно, это просуществует до конца дней, т.е. до последнего исхода мира дольного в мир горний (см. св. Григория Богослова). С самого начала Церкви была дана вся полнота Истины. Однако только постепенно и по частям эта полнота получила свое выражение и признание. В общем, все наше знание — это всегда “частное” знание. Исчерпывающая полнота будет открыта *только в запредельности*, во Втором Пришествии, во встрече с “нашим Господом.” Здесь начинается догматическая незавершенность свидетельства Церкви; это также происходит оттого, что Церковь находится “в состоянии паломничества” в “переходном состоянии,” которое все еще “*получает приращение*” (Еф.4:16). Человеческий дух и ум все еще находятся в процессе “приращения.” Перед нами все еще стоят исторические цели познания Бога и понимания Откровения. Многое еще нужно выполнить. Однако незавершенность и неисчерпаемость нашего знания не ослабляют правды его завершенности невозможности заменить его, не лишают его достигнутой завершенности. В пределах опыта Церкви нам предстоит раскрыть множество тайн, тайн, для которых не было еще найдено никаких догматических слов. Эта сфера “богословских мнений и исследований.” Также может существовать свобода в понимании установленных догматов. Конечно, здесь нет места для субъективного произвольного умственного выбора. Богословие должно всегда оставаться живым, *интуитивным*; оно должно вскармливаться *опытом веры* и не должно распадаться на отдельные диалектические концепции. Мы хотим напомнить вам еще раз что догматы веры есть истины опыта и жизни — поэтому они не могут быть раскрыты никаким логическим синтезом и анализом но только через *духовную жизнь*, через действительное участие в полноте церковного опыта. Законное “богословское мнение” не может быть достигнуто методом логической дедукции, не лишь непосредственным видением, которое, в свою очередь достигается упорным молитвенным устремлением, стремлением к Духу, личным духовным ростом, живым союзом с постоянным вселенским опытом Церкви. В прошлом году я говорил об этом подробно; я еще раз повторял об этом в своей статье “Всеобщность,” которая была приготовлена для собрания, изданного Братством. Здесь я должен ограничить себя суммированием того, что было уже сказано. Богословие может быть осознано только посредством *вселенского преображения* тех, кто стремится к знаниям. Всеобщность — это победа над любым сепаратизмом. Всеобщность выступает против любого индивидуально го отъединения, против самоутверждения исключительности и отдельности. Всеобщность — это определенное отношение сознания, мера и предел духовного роста. В этом вселенском преображении личность вырастает полностью и получает способность и силу чувствовать и выражать сознание и жизнь целого. И те, кто в стремлении достичь Вселенского развития достигли этой силы,

принимают это как дар Духа. Мы называем тех, кто выражает опыт и сознание Церкви “Отцами и Учителями Церкви”; поскольку от них мы слышим не только их личные исповедания, но также и свидетельство Церкви. Они говорят от Вселенской полноты. В их словах ощущается дыхание Духа. Полнота Откровения усваивается Церковью по мере ее духовного развития. И эта постепенность в вероисповедании связана с динамическим развитием Церкви, с процессом спасения, освящения и преображения. Возможно, не случайно, что именно те догматические определения, которые имеют отношение к построению “нового создания” и к окончательной судьбе Церкви, еще не были выражены. Поскольку пока это не было выполнено, поскольку мы все еще видим исполнение этого, мы не знаем всего, и можем говорить об этом лишь пророчествами и символами. В тех догматах, которые уже были установлены, то, что относится к будущему, видится лишь частично. Мы не располагаем никакими категорическими определениями по поводу пребывания Св. Духа в мире, промысла Св. Духа в нем: также ни о жизни праведников и грешников за гробом, ни о чем-либо, ожидающем своей судьбы. Здесь Церковь часто ограничивается догматическим отрицанием, т.е. она в авторитарной манере свидетельствует о том, о чем нам не позволено думать. И это свидетельство происходит из глубины того опыта, который пока не был и не может быть выражен. Но Церковь не торопится высказывать позитивные богословские идеи о будущем при помощи догматических формул. Это происходит не потому, что она не знает, но потому, что время для произнесения этого еще не пришло. Церковь категорически свидетельствует о том, что присутствует всегда, о том, что не принадлежит времени (как, например, догмат о Св. Троице), или о том, что было уже явлено, видимо и исполнено (догмат о Личности Нашего Спасителя). И в догмате о Христе первым было определено то, что относилось к прошлому, постольку поскольку это принадлежало временным понятиям (Воплощение, реальность страдания и смерти на Кресте, Воскресение, Вознесение); или, опять же, она свидетельствует о том, что было явлено непосредственно Самим Нашим Спасителем (Второе Пришествие, всеобщее Воскресение, Судный День). Более всего Церковь предпочитает свидетельствовать языком символов и сравнении, не догматически, а литургически; как например во время священных празднований Вознесения и Преображения или Животворящего Креста. Таким образом Церковь свидетельствует о том, что еще не нашло догматического выражения, о том, что связано с освящением, т.е. усовершенствованием мира, освящением того, что происходит, но еще не завершено. Таинство Вознесения Нашего Господа может быть вполне явлено только во Втором Пришествии, *“придет таким же образом, как вы видели Его восходящим на небо”* (Деян.1:11). Ибо только тогда в воскресении всех сотворенное тело будет полностью восстановлено и нетленно. Таинство Преображения Господня также близко связано с этим. Мы ловим лишь отблеск этого в свидетельстве о Фаворском свете, данном византийскими Соборами XIV века^{xv}. Нет сомнения, что многое было дано нам только как предвестие. Однако это не означает, что у нас есть право иметь любое мнение по поводу истин, которые не были выражены, или что здесь нет ничего обязательного для нас. Область предвестия — не “сомнительная область” (Dubitum), в которой неограниченная “свобода” позволена нам (In dubiis libertas). Отсутствие “догматических” определений не говорит об *отсутствии* знания и не допускает полного *воздержания* от всех суждений. Ибо то, что не было дано в догмате, было дано нам в опыте, который есть источник догматических определений Церкви. Он также был дан в письменном Откровении, которое не исчерпывается догматическими выражениями и наполнено таинством и пророчествами. Не все, что известно и явлено, догматически провозглашается Церковью, но *все, что дается* в диалектическом

опыте Церкви, то, что неоспоримо пребывает с ее главой Иисусом Христом и неизменно просветляется и воодушевляется Животворящим Духом.

Отец Сергей Булгаков выразился очень точно, когда сказал: “Кто однажды встретил Христа Спасителя на своем личном пути и ощутил Его божественность, тот одновременно принял и все основные христианские догматы — и о рождении от Девы, и о боговоплощении, и о пришествии во славе, и о пришествии Утешителя, и о Св. Троице” (С. Булгаков. Свет Невечерний М., 1917. С. 57). К этому я хочу добавить: “Или если он еще не встретил Христа, или не признал Его.” “Дух пребывает с нами сейчас, и в стремлении к Духу — путь к полноте знания Божьего открыт нам” (св. Григорий Богослов).

Бог говорит с человеком через Его Дух; и только в той мере, в которой человек пребывает в Духе, он слышит и понимает этот голос: “Дух дышит, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит: так бывает со всяким, рожденным от Духа” (Ин.3:8). Не существует изолированных путей духовной жизни. Со Дня Пятидесятницы Дух пребывает в Церкви, где Бог предназначил “действие Духа,” “*operatio Spiritus*”^v, как сказал св. Ириней Лионский. Здесь при помощи силы Духа каждая душа получает ускорение, здесь слово Бога звенит и слышимо, как и все, изначально произнесенные слова. В этом полнота и суть знания. Поиск Духа, молитва о даровании Духа — вот путь прославления Бога. Дыханием Духа Божественное Откровение будет извечно оживлено и явится составной частью живого организма единой и неделимой Церкви.

Церковь учит нас молитве: “Царю Небесный, Утешителю, Душе Истины, иже Везде сый и Вся Исполняй, Сокровище Благих и Жизни Подателю, прииди и вселися в ны, и очисти ны от всякия скверны и спаси, Блаже, души наши!”

ⁱ свидетельство молодости (лат.).

ⁱⁱ ничижение (греч.).

ⁱⁱⁱ Экзегетика (от греч. ἐξηγητικός — разъясняющий) — то же, что герменевтика: объяснение и комментарий смысла Священного Писания.

^{iv} мистическая тишина (лат.).

^v К Евреям, 11.

^{vi} Церковь от язычников (лат.).

^{vii} Порфирий (ок. 233 - ок. 304) — греческий философ-идеалист, представитель неоплатонизма, ученик Платона, издавший его сочинения; комментатор Платона и Аристотеля. “Введение в “Категории” Аристотеля” Порфирия — главный источник знакомства с аристотелевской логикой в средние века. Автор сочинения “Против христиан.”

^{viii} Антоний (в миру Алексей Павлович Храповицкий (1864-1936) — русский церковный деятель, богослов, митрополит. С 1921 г. — в эмиграции, где стал главой Карловацкого Синода в Белграде, одной из юрисдикции Русской Православной Церкви в Европе, занявшей особенно непримиримую позицию по отношению к Советскому Союзу. Богословские труды митрополита Антония Флоровский подробно анализирует в своей книге “Пути русского богословия” (с. 427-436).

^{ix} Таинство Сионской горницы — т.е. таинство Евхаристии.

^x См. прим. “Дом Отчий.”

^{xi} епископ в церкви (лат.).

^{xii} мирское и священное (лат.).

^{xiii} здесь и сейчас (лат.).

^{xiv} рассеяние церквей (лат.).

^{xv} См. прим. к статье “Идея творения в христианской философии.”